Сергей Луговой

«Тегусигальпа» – пересечение параллелей

Повести и рассказы

Сергей Луговой
«Тегусигальпа» – пересечение параллелей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9637821
ISBN 978-5-4474-0804-6

Аннотация

Где-то под стенами нижегородского кремля много веков спрятана таинственная библиотека Ивана Грозного и двенадцать странных предметов, подаренных русскому царю королём Арагона. Героям необходимо узнать и объяснить, что же кроется за странными письмами Николая Лобачевского, найденными в архивах университета Тарту, какое отношение к этим событиям имеют кафе «Тегусигальпа» и древняя цивилизация майя, и что же находится там, где прямые пересекаются. Там, где «конец перспективы».

Содержание

Сергей Луговой 5
I 5
II 11
III 13
IV 18
V 27
VI 29
VII 36
VIII 40
IX 46
X 50
XI 56
XII 63
XIII 72
XIV 81
XV 92
Конец ознакомительного фрагмента. 98

«Тегусигальпа» – пересечение параллелей
Повести и рассказы
Сергей Луговой

© Сергей Луговой, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Сергей Луговой
«Тегусигальпа» – пересечение параллелей

И не то что бы здесь Лобачевского твёрдо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться и тут —
тут конец перспективы.
И. Бродский

События, описанные ниже, вероятнее всего являются вымышленными.
Частично.

I

Существует много совершенно различных способов бесполезно тратить своё время. Есть неопределённое количество вариантов реализации своих желаний с минимальной вероятностью на успех. Девушка у дороги очень старательно пыталась заниматься и тем и другим. Она и бесполезно тратила своё время, и пыталась реализовать желание, которое было трудновыполнимо в существующих обстоятель-

ствах. Она пыталась поймать машину на улице, где автомобильное движение практически отсутствует. Как ни удивительно, но такие улицы ещё встречаются. Даже и в таком немаленьком городе, как Нижний Новгород.

Вадим заметил её издалека. Относительно издалека, потому что улочка была довольна извилистая и узенькая. Больших скоростей здесь не предполагалось по определению. Ну, разве что какой-нибудь байкер пролетит раз в неделю, да и тот из числа местных жителей. Вадим ехал медленно. Начинался мелкий дождь и Вадим решил остановиться – он особенно не торопился и если девушке не на край света и не в аэропорт, то вполне мог и помочь.

Вообще он не собирался никуда сегодня в это время. Накануне вернулся домой поздно ночью, так как определённые виды работ можно делать только по ночам. Поэтому предполагалось, что спать он будет часов до одиннадцати. Но в десять Вадиму позвонила одна старая знакомая – в прошлом даже очень близко знакомая по имени Карина – и попросила его подъехать в кафе на втором этаже торгового центра «Капучино». Бестолковый ТЦ, который Вадим не любил в виду загадочного расположения магазинов и непродуманной системы парковок. Впрочем, последнее характерно для большинства торговых центров современных городов, где не продуманы не только парковки, но и появление новых домов.

– Ой, спасибо! – девушка села на переднее сиденье. – К инязу подбросите? А то я, кажется, опаздываю.

Крюк был небольшой. Более того, дорога через иняз к «Капучино» была немного подлиннее, но зато менее загруженной. Так что это Вадим должен был поблагодарить девушку за то, что она подсказала ему путь более оптимальный по времени.

– Конечно, какие проблемы.

Уже по дороге Вадим спросил:

– Вам не кажется, что Вы выбрали не самое подходящее место, чтобы ловить попутный транспорт?

– Ну… Выхода в общем-то не было. А может, я именно Вас ждала?

Вадим краем глаза рассматривал свою попутчицу. На вид лет двадцать, волосы светлые, но не искусственная блондинка. Глаза голубые. Даже слишком. Ещё немного и можно было бы подумать, что это цветные линзы. Но это если ещё чуть-чуть…

– Вот и приехали.

– Спасибо. А Вы меня так и не узнали, – сказала девушка и словно растворилась среди таких же девчонок у входа в иняз. Она в буквальном смысле исчезла, как исчезают люди в кинофильмах среди карнавалов, демонстраций или просто в уличной толпе. Последняя загадочная фраза девушки заставила Вадима задуматься и попытаться вспомнить. Лицо казалось немного знакомым. Возможно, даже когда-то он её и встречал, но когда-то, в данном случае, не могло быть давно – девчонка для этого была слишком молодой.

На переднем сиденье остался коробок спичек «Кафе Тегусигальпа». Вадим положил его в карман. И просто так на всякий случай, и для своей спичечной коллекции, которую он собирал уже более двух лет.

В «Капучино» он приехал на десять минут раньше. Карины в кафе ещё не было, скорее всего, она даже опоздает по своему обыкновению минут на двадцать. Вадим ошибся – Карина опоздала только на семь. Вошла в зал с каким-то растерянным и одновременно победоносным видом. Так бывает, когда ты что-то уже узнал, но ещё не понял, что же с этим сакральным знанием делать – употребить ли во благо человечеству или же оставить его при себе. И то, и другое чревато негативными последствиями для тебя самого. В первом случае ждёт чёрная неблагодарность со стороны человечества. Во втором же – будет нестерпимо хотеться этим тайным знанием поделиться. Никто ещё так и не понял, какое из двух зол симпатичнее.

Делиться сразу своим знанием хотя бы с Вадимом Карина явно не торопилась. Для начала достала из сумочки тонкую сигарету с ментолом и погрузилась дальше в сумочные глубины. Вероятно, в поисках зажигалки.

– Ты когда уже курить бросишь? – спросил Вадим, со вздохом доставая из кармана спички, припасённые для коллекции.

– Вадик, уже давно прошли те времена, когда ты мне мог

что-то м-м-м советовать. Хочу курю, хочу не курю. Могу копать. А могу не копать, – и тут она заметила спичечный коробок. – «Тегусигальпа»? Ты же уверял, что в последнее время никуда не ходишь.

– Так. По случаю достались. А почему ты так реагируешь на это название?

– Как я реагирую? Да никак я не реагирую. Просто спросила и всё. Знаешь, мне в голову пришла одна интересная мысль. Ты никогда не задумывался над смыслом названий времён? Прошлое, настоящее, будущее. И о том, что прошлое могло быть настоящим, а настоящее настоящим бывает не всегда. И никто не знает – будет ли настоящим будущее. Мне показалось, что наши отношения и были прошлым настоящим, а сейчас… – Она не договорила. У неё зазвонил телефон. – Да, конечно. Сейчас буду. Извини, пожалуйста, дорогой. Договорим потом. Мне бежать нужно. – Последние слова она сказала Вадиму почти на полпути к выходу. Он даже не успел среагировать на её столь стремительный уход, что его впору было бы назвать исчезновением.

К тому же было что-то необычное в её реакции на этот простой спичечный коробок. А может быть он не простой? А может, и реакция была самой обычной, и всё остальное только кажется? Но девочку он всё же где-то видел.

В «Капучино» Вадима уже ничто не задерживало. Прежде чем выйти из кафе, он посмотрел в окно. Карина шла по улице и болтала по телефону. Ненадолго остановилась у тём-

но-синей машины и что-то сказала тому, кто там находился. Прежде чем пойти дальше она посмотрела в сторону кафе на втором этаже. Вадима она увидеть не могла, окна торгового центра в этом крыле здания были сделаны из зеркального стекла. Затем она завернула за угол, и теперь уже Вадим не мог видеть, что на скамейке в сквере Карину ждал высокий мужчина примерно его же возраста.

– Всё нормально? – спросил он.

– Да. Она всё сделала, – ответила Карина.

II

Когда Вадим вышел из «Капучино», и Карина, и её собеседник были уже далеко. Карина умела ездить быстро. Впрочем, Вадима не особо и интересовало, куда она отправилась. Перед выходом из кафе на его телефон пришло сообщение с незнакомого номера: *«Я кое-что оставила у Вас в машине сегодня утром»*. Утром в его машине был только один человек – та самая девушка. Главный и основной вопрос, который возник сразу – откуда она может знать его номер? Ситуация становилась довольно интригующей. Он ответил: *«Тебе так нужны спички? И откуда ты знаешь мой №?»*.

Ответ пришёл моментально: *«Разве мы уже на ты? Можете мне его вернуть? Сегодня вечером в «Тегусигальпе»?*

«Хорошо. Я буду там после 7-ми».

«Тегусигальпа» оказалось довольно симпатичным заведением. В интерьере использовались индейские мотивы, а музыка была некой смесью чилаута и джаза. Почему для названия кафе было выбрано именно имя столицы Гондураса, догадаться было сложно. С одной стороны само название страны у российских жителей вызывало крайне противоречивые чувства. Жива была ещё в народном сознании издевательская песенка о том, что «Гондурас в сердце каждого из нас». С другой, большая часть посетителей кафе никогда и не зна-

ла, что такое Тегусигальпа. Для них название было просто красивым сочетанием гласных и согласных звуков. Скорее всего, именно на это сочетание и купились владельцы кафе.

Сообщение на телефон с просьбой прийти в «Тегусигальпу» этим вечером оказалось не единственным приглашением именно сегодня и именно сюда. Днём Вадиму позвонил старый приятель, которого он уже давно не видел. Приятель занимал довольно высокий пост, на звонки часто реагировал как на отвлекающие от дел. По этой причине разговаривать с ним, а тем более видеться, приходилось крайне редко. На этот раз он позвонил сам.

– Что-то давно мы с тобой не встречались.

– С тобой встретиться невозможно. Ты же занят постоянно, – ответил Вадим.

– Да ладно. Иногда бываю и свободен. Слушай, давай сегодня пересечёмся.

– Можно, конечно. Только у меня тоже могут быть определённые планы.

– Ну, разберёмся уж как-нибудь. Знаешь такое кафе «Тегусигальпа»? Часов в семь устроит? Ты чего ржёшь?

– Ничего-ничего, – Вадиму в самом деле было сложно сдержать смех. – Далась вам всем эта столица Гондураса. Договорились – в семь вечера там.

III

Он сидел уже минут пятнадцать. Изучал меню, рассматривал интерьер, допивал первую чашку эспрессо и со всех сторон рассматривал спичечный коробок. Точно такой же, как тот, что лежал в его кармане с сегодняшнего утра. Наконец, подошёл его друг, которого, вероятно, здесь хорошо знали. Официант даже назвал его по имени-отчеству – Сергей Валентинович. Начали говорить о разной ерунде, как это обычно бывает с людьми, которые давно не виделись. Вадим изредка поглядывал по сторонам, пытаясь заметить среди посетителей кафе утреннюю попутчицу. Конечно же, это не могло остаться незамеченным.

– Вадик, ты что ждёшь кого-то?

– Знаешь, сегодня утром со мной произошла занимательная история.

После окончания рассказа Сергей на минуту задумался.

– Значит, говоришь, что лицо её показалось тебе знакомым?

– Ну, очень отдалённо. Очень.

– Расскажи-ка ещё раз, как она выглядела?

Вадим повторил. Сергей вздохнул, покачал головой, достал из кармана телефон и набрал номер.

– Подойди, пожалуйста. Подойди-подойди. Я знаю, что ты здесь.

Утренняя попутчица появилась возле столика также неожиданно, как исчезла утром у института. Она стояла, скромно потупив голубые глазки, словно отличница, не выучившая урок. В то же время было заметно, что она с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться.

– Садись. Вадик, знакомься – это Галина-Галка-Галчонок. Моя младшая сестра. Ты её видел лет десять назад. Она у нас знаменитый любитель розыгрышей и всякой прочей ерунды. Я сегодня утром заезжал к родителям, ну и проболтался своей сестрёнке, что мне нужно с тобой встретиться. Мне только непонятно зачем ты устроила всю эту комедию и откуда тебе известен его номер телефона.

– Посмотрела в твоём. Ну, так забавно же. Всё это напоминало триллеры в духе Хичкока. Если бы ты меня не раскрыл, я бы ещё что-нибудь придумала. Хотя нет, всё равно я бы сегодня раскололась. Смешно бы стало.

– Вам вернуть то, что Вы оставили у меня в машине? – Вадим протянул коробок.

– Можете оставить себе. Он ничем не отличается от остальных таких же.

– Так. Ладно, – сказал Сергей. – Мне с тобой нужно поговорить более серьёзно. И не здесь.

– Меня возьмёте? – спросила Галя.

– Не выросла пока.

Перед уходом Вадим задал ещё один вопрос. Откуда она знала, что он поедет именно в это время. Галя ничего не от-

ветила и только загадочно улыбнулась, опустив взгляд в бокал с соком.

Они зашли в один из кабинетов в служебной части кафе. Закрыв дверь, Сергей попросил, чтобы содержание разговора осталось втайне. Он обращается к Вадиму с частной просьбой, потому что, учась в университете, Вадим специализировался на русском средневековье. В частности, на эпохе Ивана Грозного. И наверняка слышал об исчезнувшей библиотеке, доставшейся царю от его бабушки Софьи Палеолог, о легендарной «Либерии».

– Серёж, ну ты же понимаешь, что всё это легенды. Никто не знает, существовала ли «Либерия» на самом деле. А если и существовала, то, скорее всего, от неё уже ничего не осталось. С тех пор прошло пятьсот лет.

– Все так думают. И пусть думают. Но в нашем историческом музее уже несколько лет ведут инвентаризацию документов. И умудрились добраться туда, куда рука историка не добиралась даже в советские времена. Они смогли найти нечто любопытное.

– Вы что нашли «список Дабелова»? – решил немного поиздеваться Вадим.

– Именно…

Вадим выдержал паузу. То, о чём говорил Сергей, могло быть или мистификацией, или розыгрышем. Последнее исключалось – его друг был слишком занятым человеком, что-

бы тратить своё время на розыгрыши

– Но этого не может быть. Списка Дабелова не существовало. Это мистификация. Когда Клоссиус встретился с Дабеловым, тот сказал, что отослал список в Пярну, где якобы его нашёл. Но в Пярну Клоссиусу сообщили, что ничего и никогда не слышали об этом списке.

– А ты никогда не задумывался, что Дабелов был слишком серьёзным учёным, чтобы заниматься мистификациями с непонятной целью? Оставить документ у себя он не мог. Если почитать, как оригинал выглядел, то становится понятным, что сшитые без особой системы листки не представляли с точки зрения городского совета Пярну какой-либо ценности и легко могли затеряться. Но мы нашли список Дабелова. И не только его.

– И теперь, – продолжил Сергей, – я хочу попросить тебя немного мне помочь.

Вадим задумался. Конечно, предложение было очень интересное. В университете он пробовал заниматься тайной «Либерии», но когда понял, что за красивой легендой, скорее всего, ничего нет, то быстро остыл. Теперь же его уверяют в том, что легенда на самом деле – правда. И «Либерия» существует. Или, по крайней мере, что есть точное подтверждение её существования.

– Ты не переживай насчёт работы. Насколько я знаю у тебя собственный бизнес, а упущенную выгоду из-за того, что

ты вынужден будешь заниматься этим делом, мы компенсируем.

– Даже так. Буду вынужден?

– Вадик, не цепляйся к словам. Ты, конечно, можешь отказаться. Ничего страшного не произойдёт. Разве что мне придётся искать другого человека, а это не очень хорошо. Потому что в тебе я уверен, а в другом человеке – думаю, что не очень.

– Ладно. Я согласен, можешь не продолжать. Что от меня требуется?

Сергей достал флешку, на которой была записана вся необходимая информация. В основном, фотокопии документов, найденных в архивах. На первом этапе предполагалось, только знакомство с ними. Дальнейшие инструкции и указания, или как ещё Вадим захочет это назвать, будут даны потом. И никого не стоит посвящать в суть дела.

Выходя из кафе, он увидел Карину за одним из столиков. Она была с каким-то типом и сделала вид, что Вадима не заметила. А может, и в самом деле не заметила. Во всяком случае, Вадим решил не смущать девушку и прошёл мимо с печатью задумчивости на лице.

IV

– Эй! – окликнули Вадима, когда он пошёл к машине. На улице было уже темно, но городское освещение работало, к счастью, в последние годы нормально. И хотя позвавший Вадима человек находился в тени дерева, он легко догадался, кто его позвал.

– Ну, что спряталась? Выходи.

– А Серёжка где?

– Там остался твой братец. Давай, садись в машину. И давно ты здесь дежуришь?

– Минут пять. Ты сейчас куда?

– Тебя домой отвезти?

Галя ещё не решила, куда ей нужно поехать. Очень хотелось узнать, о чём же брат разговаривал со своим другом, которого она очень хорошо почему-то запомнила в десятилетнем возрасте.

– Ну-у, не знаю. Может быть, съездим куда-нибудь?

Ехать куда-нибудь Вадим не собирался. Ему очень хотелось увидеть документы, записанные на флешке. Вот только есть одна проблема, о которой они даже и не подумали.

– Ты какой язык учишь, сокровище?

– Немецкий. А что?

– Да, ничего, – ответил Вадим. Он понял, что обещание, данное Сергею, придётся нарушить. Он не знал немецкого

языка, а оригинал «списка Дабелова» должен быть именно на немецком. – Я просто чувствую, что тебе очень-очень хочется знать, о чём мы с Сергеем говорили. Ну не делай удивлённых глаз. Не надо. Могу продемонстрировать предмет нашего обсуждения. Но для этого, уж, извини, нужно проехать ко мне домой. Заодно поможешь мне. Документы на немецком, а показывать их посторонним нежелательно.

– Поехали, – сказала Галка.

Вадим сидел перед монитором, держал в правой руке флешку и думал – стоит ли всё же ввязываться во всё это. Как-то выглядела ситуация странновато, мягко говоря. Друг детства, появившийся из ниоткуда, его сестра, ожидающая на дороге и забывающая коробок спичек, звонок Карины и её быстрое почти бегство из кафе. Всё это смешалось в один непонятный клубок, чем-то схожий с гордиевым узлом. Ко всему прочему сюда ещё добавлялся и полный бред в виде библиотеки царя Иоанна Васильевича. Потом вдруг окажется, что находится она в подземельях нижегородского кремля, а ему простому креативному директору придётся эту библиотеку спасать от рук инопланетян и иноземных завоевателей. Потом вдруг выяснится, что Карина – вампир, Галя – медиум, а Сергей – агент иностранной разведки, тайно завербованный во время практики в Херсонесе. Конечно, все эти мысли Вадима являлись просто издержками профессии – в некоторых профессиях необходима фантазия, пусть

и избыточно-бредовая, откуда можно удалить и отсечь всё лишнее. Правда, Вадим в этот момент и не предполагал, что его фантазии окажутся реальностью. Пусть всего лишь на небольшую незначительную часть. Но этого будет достаточно для нескучного времяпрепровождения.

Наконец, он решился. Вставил флешку в USB-разъём компьютера. На ней было записано несколько файлов. Все в формате pdf. Вадим открыл первый, который так и назывался «dabelov». Файл содержал несколько отсканированных рукописных листов. Основная часть документа была написана на иностранном языке. Скорее всего на немецком, если изначально принять условия игры и поверить в то, что перед ним действительно копия «списка Дабелова», оригинал которого находится в каком-нибудь сейфе. Но немецкую рукопись предварял один листок, написанный на русском, скорее всего в 30-х годах XIX столетия. Вадим решил его пока пропустить. Ему хотелось в начале разобраться с более древним вариантом.

– Галь, посмотри. Ты сможешь это перевести?

Галина с удивлением уставилась в монитор.

– Ничего себе. Это, конечно, немецкий. Но рукопись, да ещё и довольно старая. Бли-ин! Я попробую, но дословно не смогу. Тебя устроит примерный перевод?

– Да, конечно. Я бы очень удивился, если бы это был современный язык, набранный в «ворде».

– Шутник.

Вадим хотел ответить, но по Галиной интонации понял, что не стоит. Девочка хоть и молодая, но можно и на грубость нарваться. Не стоит мешать, когда ты пытаешься сосредоточиться. У него самого был такой же характер. Когда ты весь в работе, а к тебе пристают с идиотскими шутками, то можно аккуратно отправить шутника куда-нибудь далеко. Умный человек поймёт, а реакция неумных обычно не интересна.

Галя всматривалась в монитор уже минут пятнадцать, периодически выговаривая автору записки: «ну что за почерк», «а чернила нормальные ты не мог найти», «в какой деревне такие слова подбирают». По мере продвижения она делала записи на листе бумаги. Наконец, она откинулась на спинку стула и сказала триумфальное слово: «Йес!»

– А сейчас я попробую прочитать свои каракули, которые я писала, когда читала каракули этого типа, которые он написал веке, примерно, в шестнадцатом.

– Откуда ты знаешь, что в шестнадцатом?

– Просто так сказала. Но вообще-то похоже. Средневековый немецкий у нас факультативно идёт. Значит так… Он пишет… «Сколько рукописей у восточного царя. Таких до 800. Частью он их купил, частью получил в дар. Большая часть – греческие, но есть и латинские. Из латинских я видел ливиевы «Истории», которые должен перевести, «Республика» Цицерона и 8 книг «Истории». В общем, там названия книг я их сейчас читать не буду. Тебе ведь пока общее

содержание нужно… Дальше: «Манускрипты эти написаны на тонком пергаменте и имеют золотые переплёты. Царь говорил мне, что они достались ему от императора и что ему нужен их перевод. Также греческие рукописи». Ну дальше тоже идут названия и авторы – Полибий, Аристофан и другие. Что это такое, мой старший друг?

– Если документы подлинные, то это сенсация. Для того, чтобы понять подлинные они или нет – этого файла, конечно, недостаточно. Сергей просил об этом никому не говорить. Поэтому ты уж меня не выдавай, что я тебя привлёк. Ну, хорошо. Предположим это подлинная записка шестнадцатого века. А как она попала к нам? А вот как она попала к нам, вероятно написано на первом листе, который я смогу прочесть на русском языке девятнадцатого века и без твоего участия. Тебе спать не пора?

– Так, дядя Вадим… Хочешь сказать – поматросил и бросил? Я тебе не литературный негр. Отправишь домой и ничего не расскажешь мне – я точно случайно проболтаюсь моему старшему брату. Он обидится. Расскажи сначала, о чём речь, а потом мы посмотрим эту страницу на русском.

В том, что придётся преподать небольшой урок российской истории, Вадим ничего страшного не видел. В принципе, ничего страшного не было и в том, что Галя увидит русский текст. Всё равно она уже в курсе дела.

– Ладно, племянница, это я тебе за дядю Вадима. Значит, небольшой ликбез. Был такой царь Иван Грозный. По ле-

генде его бабушка Софья Палеолог, когда выходила замуж за его дедушку русского царя Ивана III, привезла с собой из Рима в 1472 году древние книги и рукописи. Софья была племянницей последнего византийского императора Константина XI. Говорят, что Софья очень берегла свою «Либерию», очень опасалась пожаров и держала библиотеку в специальном каменном подземелье. После её смерти библиотека досталась внуку Ванечке, к тому времени уже являвшимся русским царём Иваном IV Васильевичем. Тот дополнил библиотеку другими книгами. Так появилась библиотека Ивана Грозного, которую ищут уже пятое столетие.

Книги из библиотеки видели несколько иностранцев. В их числе и дерптский пастор Иоганн Ветгрсман. Возможно, что именно его записку ты сейчас и переводила. Уж имя я смог прочесть в конце документа. В различных документах того времени было несколько ссылок на свидетельство пастора, но самого письма найти не удалось. Как впрочем, и библиотеку, о которой ходили только легенды.

В конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века жил такой профессор Христиан Дабелов. Не обращай внимания на славянское звучание фамилии – Дабелов был немцем, работал в немецких университетах и, в конце концов, оказался волею судеб в университете Дерпта, так тогда назывался эстонский, а тогда российский, город Тарту. Там к нему, когда он занимался изучением истории лифляндского права, попало несколько документов из городского совета Пярну.

В том числе и это письмо Ветгрсмана, с которого он снимает копию и цитирует его в статье «О юридическом факультете в Дерпте». Правда, почему-то называет его «Указателем неизвестного лица».

Записку эту он отправляет назад в Пярну. И, как стали считать потом многие, это была его главная ошибка. Потому что потом, когда захотели найти оригинал, ничего из этого не вышло. Оригинал бесследно исчез.

– А был ли мальчик-то? – спросила Галя.

– Мальчик, безусловно, был. Ты же сейчас читала записку. Я не исключаю, конечно, что это может быть чья-нибудь шутка, «левая» подделка и так далее. Меня интересует немного другое. Как эта записка оказалась у нас? Твой брат утверждает, что она найдена в архивах исторического музея. А давай-ка всё же посмотрим, что у нас на той страничке, что написана на русском языке.

Вадим открыл документ. Это тоже был отсканированный лист оригинала. Текст написан на русском с ятями, твёрдыми знаками в конце слов и буквами «и» с точкой, но всё же это был вполне нормально читаемый девятнадцатый век. Он стал читать вслух:

– *«Городскому голове Фёдору Петровичу Переплётчикову.*

Милостивый государь Фёдор Петрович!

Позвольте сообщить Вам следующий небезынтересный случай, произошедший со мной в июле сего года во время поездки моей в Лифляндию в город Дерпт к моему учителю

Мартину Фёдоровичу Бартельсу. Поездка моя носила частный характер, но во многом служила на пользу моим научным изысканиям. Возможно, Вы знаете, что Мартин Фёдорович до своего переезда в Дерпт в течение долгих лет возглавлял университет в городе Казань, ректором которого я являюсь сейчас. Работа в архивах Дерптского университета, а также знакомство с последними работами, произведёнными здесь, безусловно пойдёт на развитие и во славу российской математики. Впрочем, всё это не имеет отношения к сути моего письма. Здесь же в Дерпте учитель познакомил меня с профессором здешнего университета Христианом Дабеловым, который поведал мне о любопытном документе, присланном ему недавно из Пернова и отправленном назад.

Смею напомнить, что в этом городе долгое время жил Абрам Петрович Ганнибал – перед тем как стать оберкомендантом Ревеля. Поэтому в Пернов я решил заехать не только ради морского воздуха, а также, чтобы ознакомиться в городских архивах с его пребыванием в этом чудесном городе.

Там я и нашёл пакет с документами на немецком языке, о которых рассказывал мне профессор Дабелов и которые, на мой взгляд, связаны со знаменитой «Либерией» Иоанна Грозного. Начальство Перновского архива не смогло мне объяснить происхождения сих бумаг, а также почему в этом конверте оказался лист, написанный на русском

языке. Я позволил себе взять эти документы для изучения, оставив со своей стороны расписку.

Направляю документы Вам, милостивый государь Фёдор Петрович, так как в бумаге, написанной по-русски, есть небезынтересные данные в отношении десяти книг взятых Иоанном Грозном с собою во время похода на Казань. Как явствует из письма, книги эти были довезены до Нижнего Новгорода, а затем могли быть оставлены в нижегородском кремле.

Примите уверения в совершенном моём почтении. Николай Иванович Лобачевский – ректор Казанского Императорского университета. 22 января 1837 года». Ну, ничего себе, – выдохнул Вадим.

V

Галка молчала, сидела, подперев голову левой рукой, а указательным пальцем правой довольно нервно теребила кончик носа. Вероятно, она начинала понимать, во что ввязалась. Вероятно, это ей даже нравилось. Внезапно она вздрогнула от мелодии телефонного звонка. Посмотрела на дисплей и сказала:

– Включи какую-нибудь музыку. Только быстро. Танцевальную.

Вадим поискал по радиостанциям и нашёл что-то ухающе-стучаще-громкое. Галя подсела почти под самую колонку и прокричала в телефонную трубку: «Что, мам? Я в клубе! Я скоро буду! Хорошо! Выключай этот кошмар». Последняя фраза была сказана уже Вадиму, который послушно переключил приёмник на другую волну. Там передавали новости. Одно из сообщений показалось достаточно любопытным: «В столице Гондураса Тегусигальпе произошёл переворот. Армией Гондураса свергнут президент страны Мануэль Селайя. Он вывезен мятежниками к границе соседней Никарагуа». Вот здесь Вадим уже решил выключить приёмник окончательно. Дальше это слушать было невозможно. Бесконечное упоминание Тегусигальпы на протяжении последних суток стало немного утомлять, а если к этому прибавить тесное переплетение судеб Лобачевского и Ивана Грозного, да

и всё остальное в сумме с показаниями часовых стрелок… В общем, он понял, что на сегодня пора заканчивать поисково-мыслительные работы.

– Значит так… – начал он.

– Именно, – продолжила Галя. – Вывозишь меня к какому-нибудь клубу, а там мы вызываем такси.

– И зачем же такие сложности?

– Тебе не кажется, что мой старший брат, живущий в доме напротив, или мама могут просто выглянуть в окно и узнать твою машину? А ни тебе, ни мне этого не нужно.

Через полчаса с чувством части выполненного долга Вадим заснул. Он довёз Галину к клубу, посадил в такси и дождался её звонка о благополучном прибытии. Флешку, уходя из дома, он из компьютера вынул, в памяти компьютера ничего не сохранял.

VI

Долго спать ему не пришлось. Вадима никто не будил, никто не доставал его телефонными звонками с раннего утра. Он проснулся сам. Вот это и казалось странным. Но странным было и всё то, что происходило накануне. К странностям, скорее всего, придётся привыкать, хотя бы на какое-то время. Этот вывод был вполне логичен, но, тем не менее, осознание того, что ни одна живая душа не соизволила ему сегодня позвонить, показалось Вадиму несколько загадочным. И всё с большей прогрессией возрастало желание увидеть подлинные документы и, самое главное, таинственное письмо на русском, которое упоминал Лобачевский. То самое письмо, которое Сергей почему-то решил пока от него скрыть.

Раньше Вадим много раз слышал эту легенду о книгах «Либерии», оставленных Грозным в Нижнем Новгороде. Но всё это закономерно казалось древней легендой, не подтверждённой никакими фактами. Даже теоретически само предположение, что Иван Грозный мог оставить в Нижнем книги в период похода на Казань, имело ложный посыл на самом первом этапе. Поход Грозного проходил по югу Нижегородского княжества. Да, на Казань войско прошло по южным окраинам, но ведь возвращалось оно через главный город княжества. А какой смысл оставлять книги после похода?

Вот это и могло быть написано в том самом письме. Но то, что никто не пытался с ним до сих пор связаться, казалось несколько странным.

Объяснение нашлось сразу, как только он попытался сам позвонить хоть кому-нибудь. Городской телефон хранил гордое молчание, не подавая признаков жизни. На самом деле ещё неделю назад на двери подъезда висело объявление о том, что телефоны в их доме не будут работать в течение двух дней из-за замены оборудования на телефонной станции. А вот потом, говорят, и связь станет лучше, и Интернет будет просто летать. В мобильнике же просто разрядился аккумулятор. Вадим представил, что сейчас будет, когда он появится в сети – сначала придёт некоторое количество эсэмэсок о том, что абонент такой-то звонил вам сто сорок три раза и последний раз две минуты назад. Потом или он сам начнёт перезванивать по этим номерам и наткнётся на стену непонимания, или вызывавшие его абоненты начнут звонить ему повторно и выражать своё отношение к его поведению. Вадим включил телефон, который буквально сразу начал подавать признаки жизни – семь раз звонил Сергей, два раза – Карина и три раза – Константин Леонардович.

Леонардович был ровесником Вадима, но все его неизменно называли по имени-отчеству. Сначала это несколько бесило и раздражало, а потом Костя привык и, когда его называли просто Костей, даже немного удивлялся. Костик работал коммерческим директором в их маленькой конторе

и по мере сил и возможностей находил заказы, которые позволяли вполне неплохо жить и развиваться. Вообще-то предполагалось, что после сдачи последнего проекта все недельку отдохнут, работа была довольно сложной и напряжённой, и звонить Константин Леонардович Вадиму не собирался.

Но первым сквозь телефонную блокаду прорвался Сергей.

– Ты что обалдел! Я уже собирался к тебе ментов отправлять, двери взламывать! Куда ты пропал!

– Серёг, извини. Батарея села. Ну, и забыл на подзарядку поставить. Засиделся с твоими документами. Слушай, ну это, конечно…

– Тебе нравится, Джек? – считалось, что это фраза из старого японского мультфильма «Джек в стране чудес». Во всяком случае, в этом Сергей всех уверял в детстве. Вадиму так и не удалось найти этих слов в мультике, сколько он ни старался, пересмотрев его раз семь. – Думаю, что нам надо продолжить.

– Слушай, там было упоминание об ещё одном письме.

– Тихо-тихо. Вот это как раз и самое интересное. Я перезвоню, извини, начальство вызывает, – сказал Сергей и отключился.

Стоило, наверное, задуматься о завтраке и утреннем душе. Вадим почему-то решил действовать именно в такой последовательности, хотя это несколько противоречило его нормальному утреннему распорядку. Но уж очень хотелось

съесть хоть какую-нибудь сосиску и выпить чашку кофе. Звонок Карины застал его во время работы кофемолки.

– Что там у тебя жужжит? – вместо приветствия спросила она.

– Пытаюсь помолоть кофе. Прервать процесс меня не заставит ничто. Даже звонок президента. Тем более, что он уже кончился.

– Кто? – недоумённо спросила Карина.

– Что кто? – переспросил Вадим.

– Вадик, кто кончился?

– Не кто, а что. Кофе я уже закончил молоть. Ты что не слышишь?

– А, ну да. Дело есть.

– Карин, если ты опять предлагаешь мне срочно собраться и ехать в какой-нибудь «Капучино» для того, чтобы смотреть, как ты оттуда через две минуты сбежишь, то я не согласен.

– Ну, извини. Просто так получилось. Я не думала, что так выйдет. Мне нужно познакомить тебя с одним человеком.

– Кто такой?

– Узнаешь. Тебе понравится. А что это за девица была с тобой вчера в «Тегусигальпе»?

– Милая моя, тебе-то какая разница? Я же не спрашиваю, что за мужик был с тобой там же…

– Так ты меня видел? И что же не подошёл? Кстати, именно с этим мужиком мне тебя и нужно познакомить.

Они договорились о встрече днём. И теперь Вадим, наконец-то, мог спокойно выпить чашку ароматного, сваренного собственноручно, чёрного-пречёрного кофе. Все знакомые удивлялись, как у него получается такой вкус. Пытались даже подбирать эпитеты и метафоры. Брали рецепты, но неминуемо сталкивались с тем, что добиться ничего подобного не могли. Хотя Вадим никогда и ни от кого способов приготовления кофе не скрывал. Как-то так получалось само собой. Кофе он покупал в самых обычных магазинах. Иногда ему привозили кофе знакомые из заграничных поездок. Вот и эту упаковку привёз один приятель из командировки по Латинской Америке. Вадим не помнил из какой страны конкретно и посмотрел на надпись на пачке. *«Produssion en Honduras»* было написано там.

Некоторое время он продолжал бессмысленно смотреть на изображение горы на кофейной упаковке, зачем-то пытаясь понять, это уже Анды или ещё Кордильеры или наоборот. Из ступора его вывела очередная телефонная мелодия. Звонил Костик.

– Леонардыч, ты-то, что от меня хочешь?

– Вадим, я, конечно, понимаю, что мы договорились немного передохнуть. Но тут появился один забавный заказчик. Он хочет, чтобы мы сняли фильм. Только это очень странная тематика. Ну, то есть не то, чтобы странная, но необычная.

– Не тяни, Кость.

– Он хочет заказать нам фильм… о Лобачевском.

– О ком?!

– О Лобачевском. Я предполагал, что ты удивишься, но не до такой же степени…

«В самом деле, что это я так удивился? – подумал Вадим. – Ну, подумаешь, какой-то фанат Лобачевского захотел снять фильм о его жизни и деятельности. Не из Гондураса же он, надеюсь. А, кстати…»

– Слушай, Константин, а этот мужик, случайно не из какого-нибудь Гондураса?

Костя, видимо, счёл вопрос Вадима не очень удачной шуткой. Его, конечно, можно понять. Когда ведётся совершенно серьёзный разговор, который переводится совершенно непонятно куда, то реакция любого человека почти предсказуема. Существует несколько вариантов: обидеться или продолжать вести разговор в направлении, обозначенном собеседником. В последнем случае, можно или продолжать вести разговор абсолютно серьёзно и также ответить на вопрос, или продолжить разговор в непредсказуемом ключе. Всё зависит от собеседника и насколько хорошо он тебе известен и правильно ли ты его понял. Если человек, ведущий диалог таким образом, знаком мало, то лучше поддерживать разговор на серьёзном уровне, но Вадим и Константин Леонардович были знакомы не первый год.

– Нет, Вадим, – прозвучало на другом конце линии, – он не из Гондураса. Он из Королевства Лесото, а у тебя интере-

сы в Гондурасе? Там же переворот, ты не знал об этом?

– Какое ещё Лесото?

– Ладно. Он не из Лесото и не из Гондураса. Он из Эстонии. Из тартуского университета. Что-то они там Лобачевским заинтересовались. Я ему говорю, что им в Казань нужно. Лобачевский ведь там большую часть жизни прожил. Но их почему-то интересует нижегородский период. Они у себя в архиве нашли какую-то его записку. Фамилия у него ещё такая забавная – Алла. Арнольд Алла.

– И когда этот Алла желает встретиться?

– В любое время. Он оставил телефон, я могу ему позвонить. Он остановился в какой-то маленькой гостинице в центре. Ну, знаешь из новых.

– Звони ему и назначь встречу через полтора часа. Например, в кафе «Пиаф» на летней площадке. В офис я ехать не хочу.

Телефон Сергея не отвечал. Вместо ответа на звонок Вадим получил эсэмэску: «На совещании. Что-то срочное?» «Через полтора часа встречаюсь с эстонским товарищем в „Пиаф“. Он хочет фильм о Лобачевском», – таким был его ответ.

VII

Когда Вадим подошёл к кафе, Сергей был уже там. Он сидел за столиком и оглядывал на окружающих через тёмные стёкла очков.

– Что за эстонец? – спросил он, когда Вадим подошёл.

– Не знаю. Свалился, как снег на голову.

– Знаешь, эстонцы, подкрадывающиеся неожиданно, это из анекдотов.

– А вот Леонардыч идёт. Он сейчас всё нам и расскажет.

– Конечно. Только мы с тобой здесь встретились случайно.

Леонардыч ничего существенного добавить не смог, кроме того, что уже говорил по телефону. Правда, Сергей не знал и этой информации. Ничего обсудить они не успели, потому что человек, который зашёл в кафе и явно кого-то искал, судя по описаниям, был тем самым загадочным потенциальным заказчиком. Костя поднял руку, чтобы он их заметил.

Алла говорил, практически, без акцента. Объяснялось это тем, что эстонцем он являлся только наполовину. Мать его была русской, да и в Эстонию их семья переехала уже в конце 80-х. Так что часть жизни он провёл в России, бывая на родине отца в Пярну исключительно в зимние и летние каникулы.

– Маму мою зовут Анна. Так что в России это всегда вызывало нестандартную реакцию – Анна Алла. Но давайте перейдём к делу. Моя работа некоторым образом связана с университетом в Тарту. Каким образом – это к нашему делу отношения не имеет. Российско-советская часть моей жизни связана с Казанью, а ректором Казанского университета был Мартин Бартельс, который затем переехал в Тарту и преподавал там. А учеником Бартельса был Лобачевский, ставший затем ректором того же Казанского университета. И вот совершенно неожиданно мы обнаружили, что в 1836 году Лобачевский был и в Тарту, и в Пярну. Мы решили связать все эти события, профинансировать съёмки фильма и подарить его Казанскому университету.

– Вы предлагаете нам ехать в Тарту и Казань?

– Нет, что вы… Мы предлагаем вам сделать нижегородскую часть. Вас, Вадим, мне порекомендовал один ваш знакомый из Эстонии. Поэтому мы решили долго не искать, а обратились в вашу компанию.

– Я бы не сказал, что мы здесь являемся большими знатоками неевклидовой геометрии, – сказал Вадим. С самого начала ему было понятно, что Арнольд заинтересовался всей этой запутанной темой совсем не из-за любви к своей alma mater. Просто абсолютно параллельно они проводили свои исследования, наткнулись случайно на следы документов, сделали логические заключения. И вот, как в исследованиях математика Лобачевского, параллельные прямые

пересеклись. Пересеклись они в Нижнем Новгороде на летней веранде кафе «Пиаф». Вадим посмотрел на Сергея. Тот сидел с заинтересованным видом, изучающее рассматривая Арнольда Алла. Конечно, Вадим никак не мог с точностью знать, о чём думает сейчас его друг, но с учётом долгих лет дружбы, мог предположить, что он тоже не совсем доверяет рассказываемой трогательной истории. И только Константин Леонардович слушал и смотрел с нескрываемым восторгом. Правда, дело в том, что Леонардович всегда смотрел на клиентов и слушал их с таким выражением лица. Он уверял всех, что в этом случае заказчики с большим удовольствием расстаются с деньгами.

– Но, – продолжил Вадим, – мы готовы взяться за этот проект. Нам он может быть интересен, как с творческой, так и с финансовой точки зрения. Надеюсь, мы сойдёмся в определении стоимости нашей работы.

Арнольд молча кивнул.

– Вы, вероятно, знаете, – продолжал Вадим, – что дом, где жил Лобачевский, разрушен много десятилетий назад. Сейчас на этом месте расположен бизнес-центр. Владельцы решили, что фамилия Лобачевского будет уместна в названии их объекта и даже намерены построить рядом что-то вроде памятника.

– Нам нужен какой-то ассоциативный ряд, исторические параллели. Если удастся найти что-нибудь из документов связанных с жизнью Лобачевского в Нижнем Новгороде, то

это будет очень хорошо.

– А скажите, господин Алла, – вступил в разговор Сергей. – Что это Вас заставило в кризис вкладывать деньги в абсолютно неокупаемый проект в России. Неужели в Эстонии заняться сейчас нечем?

– Есть три фактора. Во-первых, я всё-таки наполовину русский. Во-вторых, не такие уж это большие деньги. В третьих, ну почему же неокупаемый?

– Пи-аф, – вдруг сказал Костик. – У этого кафе математическое название. «π» – это 3,14, «a» – некоторое число, «f» – произвольная дифференцируемая функция. Что вы на меня смотрите, как на идиота? Простое наличие абстрактного мышления и некоторые воспоминания из школьной программы. И я знаю, кто такая Эдит Пиаф, а вот вы не знаете, что такое дифференцируемая функция.

Ситуация, в которую попал Константин на этот раз, была для него постоянной. Можно даже сказать константной. Он очень часто пытался сказать что-то умное, но не всегда попадал в общий поток разговора. Самое обидное для него, что выскажи он свои догадки про математическое значение фамилии французской певицы, например, в конце разговора, то все сочли бы это удачным завершением беседы. А так получилось несколько невпопад.

– Да, так в чём же окупаемость? – спросил Сергей.

– У нас есть маленькие секреты, – загадочно улыбнулся Алла.

VIII

Дальнейшие попытки выяснить, в чём заключался секрет окупаемости документально-биографического фильма о Лобачевском для выдающихся эстонских математиков, сводились к нулю. По мере разговора эти попытки стали принимать даже отрицательное значение, несмотря на всю ненавязчивость выяснения. Алла упорно уходил от ответа, сводил всё к шутке. Момент, благодаря желанию Константина Леонардовича показать свои способности к абстрактному мышлению, был упущен. Всё это, правда, не означало, что дальнейшее сотрудничество прекратится. Арнольд пообещал к завтрашнему дню подготовить свои требования и удалился. Костик тоже надолго не задержался, видимо чувствовал себя не совсем в своей тарелке.

– Что ты обо всём этом думаешь? – спросил Сергей, когда за столиком они остались вдвоём. – Наши друзья что-то знают, а вот что? Ладно, выясним. Слушай, ты Галку не видел сегодня?

– Не видел я твою сестру со вчерашнего вечера? Потерял никак?

– Понимаешь, она мне утром позвонила, а я занят был. Теперь «абонент недоступен». Ничего, объявится. Давай перейдём ко второй части нашей программы. Тебя очень интересовал документ, о котором упоминал Лобачевский в сво-

ём письме городскому голове. Можешь ознакомиться. – Сергей достал флешку.– Только не сейчас, – сказал он, заметив, что Вадим начал доставать заботливо прихваченный с собой нетбук. – Какой ты запасливый вдруг стал. Куда ты так смотришь?

Вадим смотрел на противоположную сторону улицы. Там, за снующими туда-сюда прохожими, гуляющими или спешащими по делам, за этой мельтешащей толпой, каждый представитель которой являлся индивидуумом со своей жизнью и своими задачами, но был по большей части неотличим от ему подобных в прилагаемых обстоятельствах, абсолютно неподвижно стоял человек и пристально смотрел на Вадима. Странный человек. Его присутствие было малоприемлемо на улице большого российского города. Его присутствие было вообще неприемлемо в современном цивилизованном мире. Таких людей здесь не могло быть. Вадим постарался предположить, что там на той стороне улицы проходит какая-нибудь рекламная акция, и этот человек просто одет в театральный костюм, отрабатывая свою почасовую оплату. Но костюм был не театральный, а настоящий, и лицо его, и цвет кожи были совершенно нездешними. Вадим где-то видел и такие костюмы, и такие лица, и такую раскраску на этих лицах. Только не в жизни, а на каких-то фотографиях в каких-то книгах.

Вадим смотрел на этого человека, чувствуя, что время как будто замедляется, и всё вокруг него и этого человека на про-

тивоположной стороне улицы смазывается, и на этой улице остаются только двое. Он – Вадим и этот человек, приложивший палец к губам, показывая, чтобы Вадим молчал, а затем перевёл свой взгляд куда-то влево. Там, в тени арки дома был ещё кто-то третий. Этот кто-то третий сделал шаг вперёд, хотя создавалось впечатление, что шаг был сделан не самостоятельно, а третьего немного подтолкнули. В арке дома стояла Галя. Руки её были связаны, а сама она очень испугана. Она не смотрела на Вадима, она его просто не видела. Её испуганный почти плачущий взгляд метался по сторонам, но за этим испугом и слезами Вадим заметил, что на самом деле Галка пытается найти выход из сложившейся нелепой ситуации. «Ночной дозор, блин», – подумал он.

– Так что же ты там увидел? – вернул его к реальности голос Сергея. Ни на противоположной стороне улицы, ни в арке дома никого не было. Всё происходило как обычно. Люди, перемещающиеся в пространстве главной улицы города с разными целями, шум транспорта, в некотором отдалении, летнее солнце. Ничего особенного. Но Вадим очень хорошо запомнил человека, пристально смотревшего на него, и девушку в арке дома. «Надо будет фотографии в книгах посмотреть», – подумал он о странном облике персонажа из видения.

– Нет, ничего, – сказал вслух. – Так, говоришь, Галка куда-то пропала?

– Найдётся. Ну, вот как раз она и звонит. Где ты была,

дорогая? Ах, ты плавала в бассейне.… А телефон зачем выключала? Гардеробщица просит выключать, а то у неё голова от звонков болит. Мы вот тут сидим с Вадимом и обсуждаем твоё исчезновение. Мне кажется, что он в тебя влюбился, а я считаю, что для него ты маленькая, а он для тебя старый. Вадик, она говорит, что ты не старый, а как раз находишься в идеальном возрасте.

– Передай, что я готов обсудить с ней эту проблему при встрече. Можешь также сказать, что мои взгляды на ситуацию совпадают с её, а не с твоими.

– Галь! Он тебе перезвонит. А, ты уже и так всё слышала.… Будь осторожнее с этим монстром. Давай продолжим, – сказал Сергей, отключив телефон. – Записка, которую упоминает Лобачевский, поставила всех в тупик. Более того, мне кажется, что записка эта не полная. Здесь есть несколько вариантов – или часть документа просто потерялась, или в тексте скрыт намёк на то, где находится всё остальное. Или…

– Что?

– Или Николай Иванович Лобачевский решил не передавать вторую часть документа. А вот почему – мы этого не знаем…

– Но это в том случае, если у него был полный документ. Впрочем, о чём я говорю, если я ещё не знаю о чём говорить…

– Шутник ты, Вадик, – сказал Сергей, забирая сдачу, при-

несённую официантом. – Позвонишь. – После этого он не торопясь удалился в сторону своего государственного учреждения.

Вадиму очень хотелось поскорее узнать, что же там, на флешке. Ожидание не предполагало быть слишком долгим, его дом находился в пяти минутах ходьбы от «Пиаф». Можно было, конечно, наплевать на Серёжины предостережения и посмотреть всю информацию, не уходя с данного места, прямо в кафе. Но он решил не рисковать. Некоторые странные события и совпадения последних суток в сочетании с ещё более странным и необъяснимым появлением человека на другой стороне улицы подсказывали Вадиму, что лучше немного подождать. Более того, он понял, что в течение по крайней мере ближайших дней, ему придётся тщательно смотреть по сторонам при переходе улицы, закрывать все замки в квартире и, фактически, пристёгивать наручниками сумку с компьютером, как в детективных фильмах. Хотя последнее показалось ему всё-таки перебором.

Выходя из кафе, он внимательно, но по возможности незаметно посмотрел по сторонам, чтобы выяснить не решил ли кто-либо выйти вместе с ним или за ним. Но всё происходило своим чередом. Ну, разве что две симпатичные дамы бросили на него оценивающие взгляды, что не являлось из ряда вон выходящим.

Отойдя метров на пятьдесят, он ещё раз оценил обстанов-

ку и только после этого позвонил Гале.

– Ну, что? Продолжим? – вместо приветствия сказала она.

– Надеюсь, ты говоришь о нашей исследовательской деятельности.

– Конечно. А ты о чём подумал?

– То о чём ты подумала, что я подумал, я готов обсудить. Но думаю, что не сегодня. Хотя тема, конечно, очень и очень интересная. Когда всё это закончится, и если я останусь жив, то я на тебе женюсь.

– Интересное дело, – возмутилась Галя, – а меня-то ты спросил?

– Вот тогда и спрошу. В общем, мне передали тот самый недостающий документ. Копию, само собой. Хочешь посмотреть?

Она сумела подойти к условленному месту через пятнадцать минут. Когда она подходила, Вадим сидел на скамейке и внимательно смотрел – не идёт ли за ней кто-нибудь. Никого не было. К облегчению или, может быть, лёгкому разочарованию.

IX

«В лето 7327 от сотворения мира царь московский и всей Руси Иоанн Васильевич возвращался с победой из Казанского ханства. На обратном пути царь с войском остановился в Новгороде Нижнем и отдыхал здесь три дня перед продолжением похода к Москве. Вёз Иоанн Васильевич с собой книги римские, греческие и византийские из

тех, что привезены были на Русь Софьей Палеолог. Книги эти царь вёз с собой в Казань, чтобы и во время похода читать их страницы и мудростию древних проникаться.

Хотел он оставить книги эти в дар нижегородцам… Но на укрепление стен кремля нижегородского царь пожаловал 12 чудных штуковин, что привезены ему были послом Арагона в знак уважения от короля Арагона и императора Священной Римской империи Карла V как истинному властителю Третьего Рима. И приказал царь, чтобы штуковины эти привезённые из Индии были спрятаны хорошо с тем, чтобы никто не мог их найти без крайней нужды. Но приказал царь путь к ним указать. Путь же таков…»

На этом текст обрывался. Всё это было или блестяще расписанной и срежиссированной мистификацией, или… А вот чем могло быть это «или» Вадим предположить даже не мог.

– Ну, что? Ты готов почувствовать себя Индиана Джонсом, мой старший товарищ? – пробормотала Галя. Она имен-

но пробормотала, так тихо произносилась эта фраза.

– Пока нет, моя боевая подруга, – ответил Вадим, проигрывая в голове все возможные комбинации развития событий в далёком прошлом. – Пока нет. Прежде чем звонить твоему ближайшему родственнику и моему другу. Прежде чем устраивать скандал по поводу дурацких розыгрышей с его стороны, давай-ка попробуем представить, что всё это реально. Что был и список Дабелова – настоящий. Что существует и письмо Лобачевского – настоящее. Что арагонский посол полтысячелетия назад притащил в подарок от своего короля нашему царю какие-то непонятные индийские штучки.

– И что эти индийские штучки где-то закопали.

– Почти верно мыслишь. Почти верно. Их могли замуровать, вывезти по разным местам. Да, в конце концов, за эти полтысячелетия с этими индийскими штучками могло произойти всё, что угодно. Какой-нибудь революционный солдат мог эту штучку откопать и сделать из неё пепельницу.

– Есть один маленький нюанс, – сказала Галя. – Письмо не закончено и значит…

– И значит мы совершенно ничего не знаем, – продолжил Вадим. Он устало откинулся на спинку кресла, пытаясь проиграть в голове самые различные варианты развития событий. Из этих вариантов требовалось выбрать один, который мог бы предназначаться к реализации. Наиболее приемлемым, как часто бывает, показался тот, который, фактически,

лежал на поверхности. Через несколько секунд в телефонной трубке уже слышались длинные гудки соединения.

– Чёрт возьми, Серёга! – довольно громко Вадим начал этот телефонный разговор. – Мне нужно увидеть оригиналы. Почему последний документ обрывается? И как долго ты будешь играть со мной в непонятные игры – то ли в кошки-мышки, то ли в салочки? Или в казаки-разбойники?

– Вадим Юрьевич! – почти шёпотом послышалось в ответ. – Не нужно говорить так громко. Я перезвоню Вам через пять минут.

Он в самом деле позвонил через пять минут. Даже через четыре с половиной. Продолжение разговора было не менее жёстким, чем начало.

– Вадик, у тебя что крыша поехала? Тебя нужно учить, что, когда и как говорить? Встретимся сегодня. Время то же. Там же. Понял?

На этом разговор закончился. Галя вопросительно-сочувственно смотрела на Вадима, а затем спросила:

– Ну, что он там? Ругается?

– Да. По существу он прав. О таких вещах по телефону, да тем более по его, говорить не рекомендуется. Там наверняка какая-нибудь служба охраны всё прослушивает. Ладно, у меня сейчас дела, – Вадим вдруг вспомнил, что Карина опять мечтала сегодня с ним встретиться и кому-то его представить. Всем он необычайно нужен в последние два дня. – Тебя отвезти куда-нибудь?

– Туда же куда и вчера. К инязу.

Встретиться с Кариной они договорились всё в том же злосчастном «Капучино». По дороге Вадим как-то особенно не задумывался о предстоящей встрече. Он ещё не предполагал, чем всё это закончится впоследствии и кто тот загадочный человек, с которым его должны были познакомить. Между тем, встреча ему предстояла довольно любопытная и являющаяся логическим продолжением и вчерашних и сегодняшних утренних событий. Вадим ещё не знал, что своего нового знакомого в этот день он уже видел.

X

Большая часть событий происходит помимо нашей воли и желаний. «Жизнь – это то, что происходит с тобой, когда ты строишь планы на будущее». Кажется, так сказал кто-то из великих. То ли Джон Леннон, то ли Оскар Уайльд. Наверное, всё-таки Джон Леннон. Вот и у Вадима были совершенно другие планы, другие желания и другие стремления. Но кто-то там наверху принял решение вывести его на другой уровень ситуативной игры. Не спрашивая его самого. А может быть и спрашивая. Часто вопросы задаются так, что мы просто не можем их замечать. Или делаем вид, что не можем. Более того, не замечая вопроса, мы всё же умудряемся давать ответ, который вполне может сойти за наше согласие. И тогда нам говорят, – ну что, парень, ты хотел этого, так вот оно. Но на самом то деле ты этого совсем не хотел. А если и хотел, то совсем не этого. А если и этого, то, скорее всего, это было не совсем серьёзно. Вот было когда-то желание узнать подробнее о «Либерии» Иоанна IV Васильевича и теперь есть полная возможность это желание исполнить.

Размышления Вадима о непредсказуемости человеческого существования были прерваны появлением Карины и её спутника, с которым Вадима она так мечтала познакомить. Смотрелись они несколько оригинально, словно пара из фигурного катания. Карина за свою жизнь смогла вырасти чуть

выше полутора метров, а человек, который шёл с ней рядом был выше сантиметров на сорок. То есть в нём было почти два метра роста или, по крайней мере, один метр девяносто пять сантиметров. Черты лица его были не совсем привычными для средних широт и данного полушария. «Ну, этот-то уж точно из Гондураса», – подумал Вадим, поднимаясь навстречу вошедшим.

– Вадик, привет! Вот этот человек, с которым я тебя хотела познакомить. По-русски понимает, но говорит плохо. Всё больше как-то по-испански. Он приехал…

– Из Тегусигальпы? – своим вопросом Вадим прервал заготовленную речь Карины.

– Из какой ещё Тегусигальпы? – от несколько неожиданно прерванного монолога она не успела даже удивиться. – А, ты имеешь в виду, он ли был вчера со мной в «Тегусигальпе»? Ну да, он.

– Нет, Карина. В данном случае, я имею в виду столицу независимого государства Гондурас, расположенного в Центральной Америке.

– Я из Панамы, – вдруг сказал «человек из «Тегусигальпы». – Это рядом.

«Белая панама, роскошная панама, – почему-то Вадим вспомнил старую песенку Аллы Пугачёвой. Периода, когда он ещё ходил в среднюю школу, а Пугачёва ещё могла что-то петь. – Интересно, что же нужно представителю экзотической страны от моей скромной персоны». Вслух же он вы-

разился более дипломатично:

– Панама? Северная или южная? Я имею в виду, на какой стороне канала Вы живёте? Хотя, что это я… Карина, давай знакомь.

– Ну, наконец-то, – выдохнула Карина. – А то я уже хотела возмущаться. Что ты мучаешь человека, которого тебе ещё даже представить не успели.

– Конечно-конечно, – полушёпотом попытался пошутить Вадим. – Прежде чем мучить, нужно познакомиться.

– Это Пабло, – чуть повысив голос, продолжила Карина, справедливо предположив, что если она сейчас не попытается перехватить инициативу, то Вадим будет продолжать в том же духе. – Обычное панамо-испанское имя. На самом деле его зовут немного по– другому, но все эти индейские имена настолько труднопроизносимы, что он попросил максимально облегчить обращение к нему по имени. А это – Вадим. Его и в самом деле так зовут.

Пабло жил в столице Панамы, называвшейся собственно так же, как и сама страна. Жил он в одной части города, а работал в другой и каждый день ему приходилось через мост Двух Америк переезжать из Южной Америки в Северную и наоборот. Парадокс в том, что движение происходило не с юга на север, а с востока на запад. Таково оно расположение панамского перешейка. Ежедневные перемещения панамского населения с одного берега на другой вызвали параллели с такими же перемещениями во всех круп-

ных городах, разделённых рекой. Правда, далеко не всем доводится ездить каждый день из одной Америки в другую. За всей этой непонятной познавательно-дипломатической болтовнёй как-то потерялось главное, о чём Вадим вдруг вспомнил.

– А скажите, Пабло, что Вас привело в эту страну, в этот город, да ещё и понадобилось знакомиться со мной? Я понимаю, когда наши губернаторы, заместители губернаторов и заместители заместителей едут в Панаму, возвращаются оттуда и говорят, какая эта замечательная страна и что она готова покупать у нас всё. Вплоть до автомобилей. Потом такая готовность постепенно исчезает вместе с панамским загаром наших руководителей. Каждый раз у меня возникают сомнения, а знают ли, к примеру, сами панамцы о своих намерениях. Впрочем, что-то я заболтался. Карина, что хочет от меня человек с красивым индейским именем Пабло? – Вадим вопросительно перевёл взгляд с Пабло на Карину.

Она в свою очередь направила взгляд на Пабло, внезапно переставшего улыбаться, задумавшегося и наконец-то решившего прикурить сигару, которую достал во время разговора и положил на стол. Дым от сигары выдавал хороший латиноамериканский табак, что было вполне предсказуемо. Вадим даже испытал некоторую ностальгию по временам, когда он ещё не был столь категоричен к курению. Когда Пабло прикуривал, манжета рубашки на его правой руке немного опустилась, и Вадим заметил браслет из зелёных камней.

«Похоже на нефрит», – подумал он.

Пабло начал говорить. Он говорил быстро, не смотрел ни на Карину, ни на Вадима, а куда-то в сторону в одну точку. Между предложениями не забывал делать паузы, чтобы Карина успевала переводить.

– Он говорит, что пока не может сообщить всего, но очень надеется, что такой момент настанет очень скоро. Ему необходимо было приехать в этот город в эту страну и познакомиться с тобой. Ему необходимо находиться рядом, чтобы уберечь тебя от опасности. Он понимает, что такой ответ может показаться тебе бессмысленным и порождает ещё больше вопросов. Но все мы становимся участниками цепи событий, остановить которые уже не представляется возможным, как это было пятьсот и сто пятьдесят лет назад. Потому что сейчас время пришло и это должно произойти. Возможно, ты сам уже что-то заметил.

Карина переводила немного растерянно. Она явно не ожидала такого поворота событий и такого поворота в разговоре. Ей, конечно же, совсем не хотелось становиться участницей каких-то судьбоносных действий, а тем более заниматься спасением мира. Карине хотелось выпить свой капучино и съесть тирамису, а через пару месяцев улететь куда-нибудь на Кипр.

– Карин, – сказал Вадим. – Он же сейчас начнёт заливать про своих земляков майя, их календарь и конец света. Что ты так растерялась? Парень же нас разыгрывает.

Внезапно Пабло наклонился к Вадиму и прошептал ему на ухо. С сильным акцентом, но всё-таки понять можно было. – В календаре майя нет ничего о конце света. Майя никогда не жили на территории Панамы. Параллельные прямые пересекаются. – После этого довольно рассмеялся.

– Ну, пока, – сказал он, поднимаясь из-за стола и протягивая руку на прощанье. – Скоро увидимся ещё.

Карина смотрела в глаза Вадиму и моргала. Часто-часто.

– Хватит хлопать ресницами, – попытался пошутить он, целуя её в щёку. – Взлетишь.

– Хотелось бы, – последовал ответ.

Карина и Пабло ушли. Никто не обратил внимания, что вслед за ними вышли ещё двое. Вернее, эти двое хотели так считать, что их никто не заметил.

XI

Как ни банально это звучало, но сказать, что Вадим был растерян, причём очень растерян, это значит ничего не сказать. Пребывать в таком состоянии некоторой рассеянной растерянности было нельзя. К выводу он пришёл легко и быстро с помощью шестого, седьмого и какие ещё там бывают чувств. Нужно было включать анализ и думать, что делать дальше. Итак, что же сказал панамский индеец Пабло? И какие выводы можно из всего им сказанного сделать…

Пабло регулярно, даже ежедневно переезжал из Северной Америки в Южную и наоборот. Он утверждал, что майя никогда не жили на территории Панамы, а также о каких-то событиях, которые происходили пятьсот и сто пятьдесят лет назад. И, наконец, он был знаком с математикой Лобачевского. Непонятно насколько глубоко, но основной постулат о пересекающихся параллелях он слышал. О пересекающихся параллелях слышал и любой десятиклассник, который когда-нибудь заглядывал в учебник и слушал учителя хотя бы самым незначительным краем уха. Что Пабло имел в виду, когда говорил о пересекающихся параллелях? То, что события, развивающиеся в разное время и в разных местах независимо друг от друга, необратимо движутся к единой цели, если цепь случайностей становится порождением закономерности? Или? Или всё ещё проще и ко всему этому имеет

и правда какое-то отношение старик Лобачевский?

Раздумья Вадима прервало почти паническое оживление возле одного из столиков, находившегося возле большого панорамного окна кафе. Человек, сидевший там на протяжении всей встречи Вадима, Карины и Пабло, вдруг резко, даже слишком резко, поднялся со своего места, схватился правой рукой за воротник рубашки и буквально рухнул на столик, переворачивая пепельницу и кофейные чашки. Сразу же к нему на помощь бросились официанты, метрдотель, люди из-за соседних столиков. Совершенно неожиданно внезапный приступ прошёл. Человек пришёл в себя практически сразу. Испуганно посмотрел по сторонам, хрипловатым голосом сказал: «Извините, извините», – и быстро вышел из кафе, оставив на столике несколько купюр.

На какое-то мгновение он встретился глазами с Вадимом. «Какой то странный взгляд у господина», – промелькнула мысль. Проходя мимо его столика, человек достал платок, при этом выронив из кармана пиджака что-то ещё. На мгновение он остановился, будто бы подумав поднимать ли это что-то, а затем двинулся к выходу, ускоряя шаг. Выроненное незнакомцем поднял Вадим. Это был серебристый коробок спичек с надписью «Кафе «Тегусигальпа».

– Вот чёрт… – прошептал Вадим и двинулся вслед. Снова увидеть его Вадим смог только когда тот уже выходил из «Капучино» на улицу, а затем пошёл по направлению к скверу рядом с торговым центром. Там возле одной из скамеек

почему-то собирались люди, так называемые праздные зеваки, которые появляются сразу, как только происходит что-то не совсем обычное. На скамейке сидели двое мужчин. Один из них откинулся на спинку скамейки, как-то слишком странно изогнувшись, и остановившимся взглядом смотрел в небо. Второй же поднялся и сделал шаг в сторону Вадима. Хотя нет, в сторону человека, за которым он шёл. Взгляд его не выражал ничего. Казалось, что, глядя вперёд, он тоже пытается заглянуть куда-то далеко в небо.

– Копан, Яшкукмо, – сказал он. Далее продолжился бессмысленный набор звуков. И так непонятные слова становились всё менее разборчивыми. Человек поднял руку, пытаясь что-то показать, а потом начал падать. Он непременно упал бы на асфальт, если бы его не подхватили, стоявшие вокруг скамейки.

– Кажется, умер, – сказал кто-то из них.

– Вызовите скорую, – раздался крик. Вадим стал искать мужчину из кафе, за которым он, собственно, и шёл. Его нигде не было.

В голове крутились совсем непонятные мысли. Вадим пытался выстроить порядок действий в соответствии с законами логики. Но почему-то ничего не получалось. Было только чувство раздражения в отношении к другу детства, втянувшего его в эту непонятную и, судя по всему, становящейся опасной историю. Да и сам он хорош – привлёк к этой авантюре ещё и девчонку. «Впрочем, Вадим, – сказал он сам се-

бе, – с чего ты решил, что всё это связано. Может, всё-таки эти события относятся к непересекающимся параллелям?» – Но что-то подсказывало ему, что всё не так и нужно готовиться к переходу параллельных прямых в ломаные линии.

– У тебя всё нормально? – спросил он Галю, когда та наконец-то взяла трубку.

– Да. А что такого может со мной случиться?

– Ничего-ничего. Всё хорошо. Я тебе позже перезвоню.

Пора было ехать в «Тегусигальпу», как ни смешно это звучало. Было даже несколько забавно – весь день сегодняшний, да и вчерашний тоже, состоял из посещений кафе и ресторанов. Не слишком ли разгульную жизнь Вы начали вести, Вадим Юрьевич?

В кафе было немноголюдно. Видимо, урочный час ещё не наступил. Из музыкального автомата в ретро-стиле доносилось «More Than You Know». «Очень символично», – подумал Вадим, отыскивая Сергея. Тот сидел за столом один и лениво пережёвывал салат.

– Извини, я как-то поторопился со звонком, – сказал Вадим. – Конечно, не стоит о таких вещах говорить по телефону. Особенно с тобой.

– Ерунда. Пока ничего страшного не произошло. Но, как ты, возможно, догадался, в любой момент неприятности могут случиться. А вот теперь мне кажется, они уже случились, – отреагировал Сергей на сигнал в мобильном телефо-

не.– Что у тебя в кармане?

– Ничего особенного.… То же, что и всегда. Вот только очередной спичечный коробок из «Тегусигальпы».

Сергей взял коробок в руку и внимательно осмотрел со всех сторон. Затем удовлетворённо хмыкнул и вилкой вскрыл дно. Открылась тоненькая микросхема.

– И откуда у тебя эта штучка? – он достал микросхему, аккуратно переломил её пополам. Обломки положил в пепельницу и поджёг спичкой из этого же коробка. Микросхема горела плохо и неохотно, но зато, как ни странно, без запаха тлеющей пластмассы.

– Что это было?

– Судя по сигналу в моём мобильнике, это был маячок. Кто-то пытается отслеживать твои передвижения. Кто и зачем? Как эти спички к тебе попали?

Нужно было говорить правду. Но это не значило, что правду нужно говорить всю.

– Сегодня днём я встречался с одной девушкой, – начал Вадим.

– Кто такая?

– Карина. Я её тысячу лет знаю. Потом она ушла. Мимо моего столика проходил какой-то мужик, он и обронил спички, когда доставал платок из кармана. Мужик был странный какой-то. Немного не в себе. Он перед этим ещё чуть всю посуду на столе не перебил.

– Мужик был один?

– Ну да. Один. Хотя… – Вадим особенно, конечно, не разглядывал, кто сидел за соседними столиками. – Когда выходил он был один. Но перед этим с ним были ещё двое. Слушай, ты не можешь выяснить, ничего странного в городе сегодня не происходило? Буквально час назад у «Капучино». – Вадим вспомнил, что те двое на скамейке до этого были в кафе. И вышли примерно за пять минут до загадочного падения третьего на стол.

– Для этого мне нужно кое-кому позвонить. Подожди, я сейчас вернусь.

Отсутствовал Сергей недолго, когда вернулся, то сразу поделился тем, что удалось выяснить.

– Около часа назад «скорая» подобрала у «Капучино» каких-то двоих. Оба находятся в довольно странном состоянии. Один, фактически, в коме, а второй постоянно бормочет какую-то белиберду. Непонятный набор звуков, который, впрочем, возможно и имеет какой-либо смысл. В больницах, знаешь ли, не полиглоты работают. Ты говоришь, что эти двое были вместе с подбросившим тебе спички?

– Я этого не говорил, но сейчас вспоминаю, что они были вместе. И, знаешь, я не думаю, что этот третий подбросил мне коробок. Скорее это за ним следили, а он его просто обронил. Он когда выходил, был несколько не в себе. Такое ощущение, что ребята испытали некое воздействие одного вещества только в разных дозах. Кстати, извинения свои он приносил на чистом русском языке без какого-либо акцента.

– Ладно, подумаем об это позже. Пойдём.

– Куда?

– Ты же хотел знать больше о документах? Хотел видеть оригиналы?

– Не хочешь же ты сказать, что ты их хранишь в кафе на кухне.

– Нет. Не в кафе и не на кухне, – Сергей загадочно улыбнулся.

XII

Они шли по длинному плохо освещённому коридору уже минут десять. Коридор слишком явно напоминал подземный ход, да и кладка стен была довольно старой. Может быть и век шестнадцатый, когда строили кремль. В этот коридор они попали из того самого кабинета, где и начиналась вся история с поисками «Либерии» Ивана IV Грозного.

– Если ты думаешь, что это старый подземный ход, то ты абсолютно прав. Мы нашли его при реконструкции в музее. Чтобы никто ничего лишнего не болтал, его расчистку поручили среднеазиатским рабочим. Даже если они и расскажут о нём где-нибудь в ауле, то об этом всё равно никто не узнает. Судя по всему, здесь должна быть ещё целая сеть ответвлений, но их пока решили не трогать. Вот, а когда поняли, где, примерно, располагается выход, то выкупили помещение и сделали там кафе. Кстати, может быть для маскировки, а может ещё для чего-то ход продолжается от нашего кафе ещё дальше и заканчивается тупиком. Во всяком случае, в той стороне мы упёрлись в стену.

– Серёж, а почему «Тегусигальпа»?

– Просто красивое слово, – ответил Сергей после небольшой паузы. – Кстати, до революции оба дома принадлежали одному человеку. Так что можно понять, почему остальные ветки не были расчищены. Наоборот, их ещё сто пятьдесят

лет назад замуровали. Впрочем, и наш вход мы тоже засекретили. Человек, который вдруг случайно сможет сюда попасть не сможет также случайно найти ни одного входа. Или выхода. Это смотря с какой стороны смотреть. Всё. Пришли.

Они остановились посередине коридора. Он уходил куда-то дальше. Стены были абсолютно глухими. И никакого намёка на дверь. Сергей достал из кармана нечто напоминающее брелок от автомобильной сигнализации. Стена перед ними отреагировала на нажатие кнопки и медленно откатилась в сторону.

– Пойдём, – сказал Сергей, победоносно-интригующе поглядывая в сторону Вадима.

– А что там дальше? – Вадим сделал несколько шагов вперёд. Он, конечно, удивился открывшемуся выходу, но справедливо рассудил, что туда он сейчас и так попадёт, а вот что дальше в подземелье узнает явно не сейчас.

– Не знаю. – Сергей неопределённо пожал плечами. – Крутая лестница, ведущая вниз. Скорее всего, там выход к Волге. Только непонятно где это «там» находится.

Они поднимались наверх к обычной двери ведущей, вероятно, к какому-то сегменту современного мира. Вадим, шедший впереди, остановился, пропуская друга вперёд, чтобы тот открыл дверь.

– Серёг, а ответь мне ещё на один вопрос. Кто это мы?

– А вот это, Вадик, тебе знать пока рановато. А может быть лучше и вообще не знать.

Помещение, открывшееся за дверью из подземелья, напоминало самый обычный и стандартный кабинет какого-нибудь офиса – большой стол, компьютер, несколько шкафов, кресло и стулья вокруг стола. Звук вентиляции был почти бесшумен, никаких окон в комнате, естественно, не наблюдалось. Вадим прикинул, на каком расстоянии от поверхности они могли находиться – получилось, что метров пять-шесть. Когда озвучил свои предположения, то Сергей удовлетворённо, но сдержанно рассмеялся.

– Нет, дружище, здесь не пять метров. Здесь двенадцать. Ты, может быть, заметил, что подземный коридор шёл с некоторым уклоном. Наверху же уровень наоборот идёт вверх. Так и получилось, что мы на несколько большей глубине, чем в начале. Как ты сам понимаешь, мобильные телефоны здесь не работают. А теперь давай перейдём к главному, – после небольшой паузы продолжил он. – Подлинные и полные документы, которые были обнаружены нами. Некоторым из них около ста восьмидесяти лет. Ну, будем считать двести. А некоторым – пятьсот. Поэтому очень аккуратно.

Последние слова Сергей произносил уже открыв скрытый сейф и доставая кожаную папку. Каждый из документов лежал в отдельном файле с тем, чтобы ознакомиться с текстом можно было, не прикасаясь к бумаге руками. Вадим открыл папку и уже приготовился к чтению.

Неожиданно и как-то слишком тревожно зазвонил телефон, стоящий на столе. Звонок звучал приглушённо и стран-

но в этом полностью звукоизолированном помещении. И реакция Сергея на этот звонок показалась Вадиму какой-то слишком неожиданной. На секунду даже показалось, что он испугался.

– Да, – ответил он. – Да. Сейчас. – Затем посмотрел на Вадима внимательным и каким-то рентгеновским взглядом. – Мне нужно ненадолго выйти. Сиди, читай. Если будет звонить телефон, возьми трубку.

После этого Сергей нажал кнопку где-то на поверхности стола и вышел в открывшуюся дверь. Вадим не успел разглядеть точно, что же за ней, но смог увидеть небольшое помещение и ещё одну дверь. По-видимому, это был переходной коридор, который вёл или в другой кабинет, или в лифт, или же на лестницу. Пока для Вадима это оставалось непонятным, но это его и не слишком интересовало. Тоже пока, потому что сразу возник другой вопрос, который он успел задать.

– А если ты уйдёшь до следующего утра?

– В любом случае я сообщу, что делать, – успел ответить Сергей. Дверь закрылась.

Вадим остался один в кабинете. Первыми страницами в папке были результаты экспертизы, подтверждающие возраст документов. Подробно прописывалось, сколько лет чернилам и бумаге, какие из бумаг были составлены одним человеком. Получалось, что документы действительно датировались началом 16-го века и первой половиной 19-го. Боль-

шую часть из них Вадим уже видел. Перелистывая страницы папки, он наконец-то нашёл новые листы, копии которых Сергей ему раньше не показывал. Но ознакомиться с ними он всё же не успел. Прервал телефонный звонок. Вадим помнил одну из последних фраз Сергея перед уходом, что если зазвонит телефон, то он должен взять трубку.

– Значит так, – услышал он в трубке голос Сергея. Очень, как показалось Вадиму, возбуждённый – Сергей говорил быстро и в совершенно не свойственной ему манере. – Слушай меня внимательно. На столе лежит брелок. Он открывает двери в этом кабинете и в «Тегусигальпе». Левая кнопка – здесь. Правая – в «Тегусигальпе». Папку забери с собой. За всё содержимое отвечаешь.

– Ничего не понимаю. Что случилось? – попытался спросить Вадим.

– Потом узнаешь. Может быть. Есть некоторые проблемы. Ты Галке показывал копии? Не ври!

– Да.

– Чёрт! Когда выйдешь, найди эту… юную авантюристку. Никто не знает, что ты знаком с документами и что ты вообще был в этой комнате. Да, возьми в столе телефон. Там незасвеченная симка. Я позвоню по этому номеру. Меня не ищите. Всё. Удачи.

Вадим справедливо решил, что подумает обо всём потом. Почти никогда не подводившая интуиция и в этот раз подсказывала, что у Сергея в самом деле что-то случилось. Воз-

можно, что это что-то и не имело прямого отношения к их, так сказать, совместной деятельности. Он закрыл папку и нажал левую кнопку, открывавшую потайную дверь в подземный ход.

Обратный путь занял гораздо меньше времени, Вадим старался идти быстрее. С другой стороны, торопиться тоже не следовало. В этом случае его несколько сбившиеся дыхание вызвало бы чрезмерное внимание у персонала «Тегусигальпы», а это было совершенно ни к чему. Он подошёл к месту, где по его расчётам должна была находиться дверь в кафе, и нажал на правую кнопку. Дверь открылась с задержкой секунд в пять, которые показались для него гораздо длиннее. Да и находилась она не совсем в том месте, где он предполагал, а примерно метрах в шести-семи впереди. «Да уж. Замаскировали, так замаскировали», – подумал Вадим, представив, как он не находит дверь и печально бродит по подземелью в поисках выхода.

Из кабинета в зал кафе ему удалось попасть совершенно незаметно. Находиться здесь долго сейчас не стоило, как и исчезать слишком быстро. Вадим заказал чашку кофе, мысленно в очередной раз оценил ситуацию. Она была, конечно, несколько нестандартная, если оценивать всё довольно мягко. В такой нестандартной ситуации нужно было искать и нестандартные решения. Мозг работал холодно и чётко, не пускаясь в эмоционально-посторонние направления. Нужно, необходимо было всё просчитать. И все просчёты

приводили к одному и тому же выводу, что лучшая линия поведения сейчас – это предположить, что ничего не произошло. Более того, требовалось доказать всем заинтересованным лицам, которых он мог и не знать, что ничего не происходит, что у него всё в порядке, и он живёт своей обычной жизнью. Требовалось завтра встретиться с эстонцами, проговорить о подготовке фильма и наметить точки съёмок. То, что Карина со своим Пабло его найдут сами, Вадим не сомневался. Но вот две вещи требовалось сделать срочно – найти Галю и понять, куда спрятать папку с безумно ценными документами. Подумать только, у него в руках сейчас было письмо великого математика Лобачевского, который вдруг стал искателем приключений, и свидетельство существования библиотеки Ивана Грозного. А может быть и указание её местонахождения. И ещё какие-то непонятные испано-индийские диковины, охраняющие нижегородский кремль.

От «Тегусигальпы» Вадим отъехал недалеко, нужно было позвонить Гале и понять, что же они будут делать дальше. У Центра международной торговли он свернул на некогда тихую улочку Ковалихинскую, въезд на которую теперь был весьма затруднён из-за беспорядочно припаркованных автомобилей. Ему всё же хватило терпения проехать подальше, найти место поспокойнее и только тогда позвонить. Девушка взяла трубку не сразу.

– Где ты, дитя моё? – шутливо спросил Вадим.

– Дитя катается на мотоцикле, – хмыкнула Галя.

– У тебя есть мотоцикл?

– Твой друг, а он же мой брат, разрешает мне брать свой «кавасаки». Правда предупреждает, чтобы не гоняла.

– Правильно говорит, – если бы не фантастическая ситуация, то их разговор вполне напоминал телефонную болтовню обычной парочки. – И где же ты катаешься?

– Да тут. Недалеко. На гребном канале. Тут происходит кое-что интересное. Твой эстонец встречается с каким-то здоровым мужиком, который похож на Уго Чавеса и вождя из «Полётов над гнездом кукушки». С ними ещё какая-то невысокая блондинка.

– Галь.… Ну, ты что.… Ну, зачем? Что тебя туда понесло? Давай быстро наверх. И откуда ты про эстонца знаешь?

– Потом скажу, – в голосе Гали послышалась тревога. – Знаешь я, конечно, от них метрах в трёхстах. Смотрю в бинокль, как будто волжские дали наблюдаю. Но мне кажется, что этот вождь Чавес меня заметил.

– Быстро уезжай оттуда. Быстро! Встречаемся на парковке у «Этажей». Я сейчас тоже туда подъеду.

Вадим набрал телефон Карины. Трубку та взяла сразу, возможно, что телефон просто лежал на столе. Голос Вадим постарался сделать спокойным и невозбуждённым, даже каким-то весёло-лирическим.

– Привет, дорогая! Чем вы там занимаетесь со своим панамским вождём по имени Пабло? Он меня несколько заинтриговал сегодня в «Капучино». Прямо какой-то антипод

из параллельного мира.

– Ой, погоди, сейчас я немного в сторонку отойду, а то мне не совсем удобно разговаривать, – после небольшой паузы, во время которой в трубке слышались только редкие уличные шумы, она продолжила, – Так. Всё. Понимаешь, я сама несколько обалдела сегодня, когда он в конце вдруг такое выдал.

– И что же дальше? – поинтересовался Вадим. – Ваши нынешние действия?

– М. м… Наши нынешние действия? Сидим в каком-то кафе на гребном с каким-то эстонцем. Я им предлагала – давайте в «Робинзон» пойдём, а они… – Карина не успела закончить, потому что Вадим заметил буквально пролетевший через перекрёсток «кавасаки».

– Извини, перезвоню, – быстро сказал он, перед тем как прервать разговор.

XIII

Галя ждала его в дальнем углу парковки. Она сняла шлем и развлекала себя, разглядывая в полевой бинокль, выпущенный в шестидесятых годах прошлого века, окна на верхних этажах соседних домов. Внешне она сохраняла полное спокойствие, как будто и не было почти панических интонаций в голосе всего лишь десять минут назад.

– И зачем вызывал? – спросила она подошедшего Вадима, наведя бинокль на него, а затем быстро опустив. По всей видимости, при приближении объект оказался слишком крупным и становился расплывчато-абстрактным пятном непонятного цвета. – Что-то случилось? Ну, подумаешь, вычислила я твоего эстонца. А этот вождь, может меня и не заметил вовсе. Может, мне показалось. Ну, ты что молчишь?

– Думаю, что не показалось. – Вадим вспомнил утреннюю встречу в кафе «Пиаф» и то, что его смутило в конце этой встречи. Он вспомнил и то, что не мог вспомнить тогда. Догадки стали приобретать более конкретные формы, интуиция переходила в стадию реальности. – Мне нужно проверить одну версию. Мотоцикл сейчас оставляем в соседнем доме в подземном гараже. У меня там приятель живёт. Думаю, договорюсь. Потом едем ко мне. У нас не очень хороший расклад, но зато интересный. Только ты не паникуй.

– Я? – попробовала возмутиться Галя. – А почему я долж-

на паниковать? Хотя, знаешь, почему-то хочется.

– Не стоит.

Они подъехали к дому Вадима часа через полтора. Это время ушло на то, чтобы пристроить мотоцикл, и на всякий случай покрутиться по городу. С девяностопроцентной уверенностью можно было сказать, что слежки не было. По крайней мере, обнаружить её не удалось. В квартире тоже всё оставалось на своих местах. На замках не наблюдалось каких-либо лишних царапин, а по забывчивости оставленный работать музыкальный центр продолжал вещать на той же волне. Вадим ещё раз осторожно прошёл по всем комнатам и только потом уже сказал Гале почему-то шёпотом:

– Всё чисто. Заходи.

– Уборку делал? – засмеялась она.

– Да. Во всех смыслах, – затем он подошёл к книжному шкафу и достал одну из книг серии «Исчезнувшие цивилизации». – Кофе будешь?

– Сейчас модно пить зелёный чай. – Галя уже сидела в любимом Вадимом кресле-глайдере и раскачивалась. – Но я согласна на кофе. Что за книжка?

– Узнаешь чуть позже, – ответил Вадим. – Давай сначала вспомним, в каком году Иван Грозный проходил на Казань через Нижний Новгород?

– Спроси, что-нибудь попроще. Я не помню. Это середина XVI века?

– Да, это середина XVI века. Это 1552 год. В принципе, тогда уже в Европе знали, что Колумб открыл вовсе не западный путь в Индию, а новый континент. Поэтому давай предположим, что нашему царю испанский посол преподнёс в дар от короля Арагона вовсе не индийские штучки.

– А американские?

– Может быть, – Вадим листал книгу. Наконец, нашёл нужную страницу и показал иллюстрацию Гале. – Вот. Сегодня напротив «Пиаф» я видел человека в такой одежде. Его не видел никто, кроме меня. Его просто не существовало ни для кого другого. В той же арке дома напротив рядом с ним я видел тебя. Тебя тоже никто не видел, кроме меня. После встречи в «Пиаф» через полтора часа я встретил этого человека, но в самой обычной европейской одежде. На этот раз его видели все. Ты тоже видела его сегодня на Гребном канале.

– Вадик, что это за книга?

– «Затерянный мир майя». Когда-то я интересовался исчезнувшими цивилизациями.

– Что я делала там? – растерянно спросила Галя.

– Как бы тебе сказать.… У тебя были связаны руки, и было ощущение, что ты находишься в каком-то помещении. Что с тобой? Испугалась?

Галя молчала, рассматривала рисунок в книге и, вероятно, пыталась поместить сказанное Вадимом в рамки разумных объяснений. Судя по всему, не получалось, да получить-

ся и не могло.

– Вадик, я была там в той арке напротив «Пиаф», когда вы сидели в этом кафе. Но там не было никакого индейца майя, у меня не были связаны руки. Я просто стояла и смотрела. Я ничего не понимаю, и я, кажется, начинаю бояться. Что на нём за костюм, что это вообще такое? – спросила она, показывая на картинку.

– Какой-то аристократ майя. Ещё у него на руке, у настоящего, браслет из нефрита. Примерно, вот такой, – Вадим нашёл другую фотографию.

– В общем, интересное кино получается. По Нижнему Новгороду бегает представитель племени майя, стоит со мной невидимый в подворотне и творит в городе непонятно что. Странно как-то это всё.

– Дальше будет ещё «страньше», как говорила кэрроловская Алиса. Есть одна любопытная нестыковка. Письмо Лобачевского к Переплётчикову датировано январём 1837 года. Но…

– Но что?

– Но то, что Переплётчиков был городским головой только до 1836 года. В 1837 году его сменил Михаил Климов. Где-то мне доводилось читать, что возможно Лобачевский был с Переплётчиковым знаком. А вот Климова он совсем не знал. Поэтому он мог несколько попридержать всю информацию.

– А тебе не кажется, – сказала Галя, – что могло быть ещё

проще. Грубо говоря, первое письмо Лобачевского было написано как раз, по нашим терминам, когда в городе проходила смена администраций. В некоторой суматохе его письмо просто затерялось или на него забыли ответить. Да, конечно, человек уважаемый, ректор университета. Но ведь казанского же. А тут портфели делили как раз.

– Знаешь, – Вадим подошёл к окну и отметил, что во дворе стоит машина, которую он явно уже где-то сегодня видел. Но в этом дворе этой машины никогда раньше не было. – Знаешь, версия интересная. Очень интересная. – Он задёрнул шторы и выключил свет.

– А вот это ещё интереснее, – удивилась Галя.

Вадим прижал палец к губам. Мол, молчи и ничего не говори. Затем открыл ящик стола и после недолгих поисков достал какую-то коробку, напоминающую обычный плеер. Нажав кнопку, он удовлетворённо улыбнулся.

– Когда-то эту штуку мне дал один знакомый в качестве сувенира. Сказал, что она создаёт помехи для всех подслушивающих устройств. Поэтому дальше можно говорить спокойно. Нас не услышат.

– Кто?

– Твои голубые глаза вдруг стали синими и круглыми. Это ты так удивляешься?

– Вадик. Ты меня так пугаешь?

– Нет, дитя… Мне показалось, что за моей квартирой начали следить. Кто-то пасётся под моими окнами.

– И ещё раз повторю. Кто?

– Да понятия не имею кто. Могу сказать только, что когда мы приехали, никакого хвоста за нами не наблюдалось. Надеюсь, никто не знает, что ты здесь. И надеюсь, никто не знает, что здесь ещё есть вот это. – Вадим достал папку. – Это оригиналы документов по библиотеке. Причём полный комплект.

– Ты думаешь, что мы сможем узнать, где эти индейские штуковины?

– Думаю, что нет. Если бы всё было так просто, то Сергей бы ко мне не обратился. Мы, конечно, друзья, но… сама понимаешь. Твой брат достаточно расчётлив. К тому же, как я понимаю, в этой истории он не самый главный.

– А кто же самый главный? – наивно, но понимая, что всё равно не получит ответа, поинтересовалась Галя. – Полпред? Губернатор? Нынешний мэр? Или как там их сейчас называют?

– Слушай, а какая нам разница? Не хочешь взглянуть, что же там внутри? Мне показалось, что почти всё здесь, я уже видел в копиях. Кажется, здесь только один документ, который твой брат нам не показывал.

Вадим открыл папку и нашёл ещё одно письмо, написанное той же рукой, что и письмо Переплётчикову. И подпись там стояла тоже Николая Лобачевского – ректора Казанского университета. «Да, любопытно», – произнёс он.

– *«Городскому голове Михаилу Сергеевичу Климову.*

Милостивый государь Михаил Сергеевич!

Некоторое время назад на имя Вашего предшественника и моего доброго знакомого Фёдора Петровича Переплётчикова мною было отправлено письмо о найденных мною в Пернове документах, касающихся пребывания в Нижнем Новгороде в период казанского похода русского государя Иоанна Васильевича. К сожалению, по недоразумению, письмо это вероятно адресатом получено не было. Фёдор Петрович, когда мною письмо было написано, городским головой уж не являлся, о чём известно мне не было. Видимо, по этой причине ответа на письмо моё никакого не последовало. Между тем к письму тому прилагалась любопытная запись, обнаруженная мною в Перновском архиве. В виду ценности документа я отправил только часть его. Во второй части указывается точный путь к тем артефактам, о которых говорится в первой. По этой причине, а также в виду неоспоримой ценности, мне не хотелось доверять документ в руки посредников, а передать его непосредственно в руки нижегородского головы.

К моему глубочайшему сожалению, мне потребовалось срочно отправиться в Казань. Поэтому документ сей, мною был оставлен в Нижнем Новгороде. Тайну его я не мог доверить никому, кроме своего учителя Мартина Фёдоровича Бартельса, ныне работающего в университете города Дерпт в Лифляндии. По этой причине в письме на его имя мною было описано местонахождение той бумаги.

Естественно, уважаемый Михаил Сергеевич, что я могу сообщить его и нижегородским властям при первейшей необходимости и заинтересованности, в случае её проявления.

С глубочайшим почтением, Николай Иванович Лобачевский – ректор Казанского Императорского университета.15 апреля 1837 года». Ну, вот. Теперь многое становится понятным. Особенно появление таинственного эстонского товарища. Кстати, мне теперь не совсем ясны два факта. Как ты могла узнать, когда и где я буду ехать вчерашним утром? Это я уже спрашивал. Но теперь ещё хочется спросить, и откуда ты знаешь про эстонца, и как ты попала к кафе «Пиаф» сегодня днём?

– Знаешь, Вадик, – Галя смотрела в сторону, пытаясь подбирать слова, – я тебе скажу правду. Но ты мне всё равно не поверишь. Потому что эта правда звучит очень странно и просто. Но сейчас мне уже начинает казаться, что настоящей правды я всё-таки не знаю.… Не зна-ю, – последние слова она произнесла по слогам и очень-очень тихо.

– Почему же не поверю. Последние два дня научили меня уже ничему не удивляться. Поэтому, думаю, что ты говоришь правду, дитя.

– И прекрати называть меня – дитя. Я уже большая девочка. И где там твой кофе?

Вадим взял её за руку и опять почувствовал испуг и непонимание происходящего. Вчерашняя беззаботная девчонка,

готовая к розыгрышам, смешанным с некоторой долей авантюризма, вдруг стала совсем другой. Беззаботность куда-то пропала.

– Ещё вчера утром, – сказала Галя, – всю эту цепочку я воспринимала совсем по-другому. Сейчас я пытаюсь всё понять и не нахожу разумного объяснения. Его просто нет. Всё как-то странно.

– Пойдём пить кофе, – сказал Вадим. – Заодно всё и расскажешь.

XIV

Вадим достал из шкафа упаковку с кофе. Ещё вчера утром он бы и не придал значения стране происхождения этих зёрен. Эквадор, Бразилия, Коста-Рика, Гватемала с Гондурасом – мало ли стран в Латинской Америке, которые разводят кофе в огромных количествах, снабжая им всё человечество.

– Знаешь откуда кофе? – спросил он Галю.

– Откуда же?

– Из Гондураса, столицей которого является город с красивым названием Тегусигальпа.

– Я бы удивилась. Если бы и здесь не обнаружилось названия этого городишки.

– Зачем же ты так. Красивое слово. Твой брат сказал, что назвал кафе так именно по этой причине.

– Ты ему поверил? – Галя улыбнулась, закинула руки за голову и откинулась на спинку стула, как-то насмешливо поглядывая в его сторону.

– А что? Что-то не так? – Вадим удивлённо и опрометчиво отвернулся от плиты, где кофе в турке уже подходил к завершающей стадии. Предупреждающий оклик Гали заставил его обернуться и вовремя снять турку с огня.

– Конечно. Мы только что чуть не потеряли драгоценный тегусигальповский напиток.

Чувствовалось, что девушка постепенно возвращается

в состояние привычного мировосприятия. Видимо, сказывалась природная способность никогда не паниковать и стараться находить различные варианты течения событий. Вадим вспомнил эпизод, продемонстрированный ему у кафе «Пиаф». Он даже догадывался кем. Оставалось только понять для чего. Сделал себе отметку и вернулся к полушутливому, как ему казалось, разговору.

– Так почему же я не должен был ему поверить? – спросил он, разливая кофе.

– Ты знаешь, что означает это слово?

– А ты?

– По одной из версий на языке индейцев племени науатль «Тегус-гальпа» означает «серебряные холмы».

– Откуда ты знаешь?

– Ну, должна же я была узнать побольше о кафе своего брата. В интернете посмотрела. А теперь проведи некоторые параллели.

– Радиостанция «Серебряные холмы»? Сергей имеет к ней отношение?

– Напрямую, насколько я знаю, нет. Но, фактически, она принадлежит ему.

– Может это случайное совпадение? – рискованно решил предположить Вадим. Но Галина бросила на него такой взгляд, что он быстро отказался от своего опрометчивого предположения. – Я пошутил.

– Ладно. Я верю тебе, мой генерал. Правда, на какой-то

миг у меня возникли сомнения. Вроде бы уже большой мальчик, а говорит о совпадениях в таких ситуациях. В этой истории вообще очень много якобы случайностей.

– Мне кажется, что все эти случайности вовсе не так уж и случайны.

– Конечно. Начиная от твоей вчерашней поездки в «Капучино». Ой, только не делай страшных глаз. Меня никто ни к чему не подговаривал. Там-то всё было довольно просто, как у Лермонтова в «Герое нашего времени». У него ведь всё основано на сплошных подслушиваниях. Если бы его персонажи не сидели под окнами, да не стояли за углом, то неизвестно, чем бы всё дело кончилось. Я иногда думаю, что у Лермонтова фантазии не хватило что-нибудь пооригинальнее придумать, что ли? Потом вспоминаю, сколько ему лет было, да в какое древнее время он жил.

– Мы будем говорить о Лермонтове? – улыбнулся Вадим.

– Извини. Когда Сергей был у нас, ему кто-то позвонил. Он вышел на кухню, но пока он шёл, я поняла, что разговор о тебе. Мне стало интересно. Я понимаю, что подслушивать нехорошо, но я любопытная девочка. Так вот я услышала, как он переспросил: «Так значит, ты вызовешь его завтра в „Капучино“ к двенадцати? Я правильно понял?» На другой день я отправилась к тому месту, где ты предположительно должен был проехать. Полчаса прождала. Что? Удивлён? Будешь Сергею звонить?

– Пока нет, – после короткой паузы ответил Вадим. – Мне

нужно кое-что обдумать.

– Подумаешь без меня, а? Время второй час ночи, я безумно устала и хочу спать, несмотря на твой крепкий кофе. Обещай, что не будешь ко мне приставать.

Вадим подошёл к ней и поцеловал в нос.

– Обещаю. Пока.

– Какое значение в данном случае имеет слово «пока»?

– Оба. Спокойной ночи…

Вадим вымыл чашки, выключил свет. Затем подошёл к окну и посмотрел во двор через щель в жалюзи. Незнакомо-знакомая машина продолжала стоять на том же месте. Но именно в тот момент, когда Вадим выглянул в окно, машина плавно, почти бесшумно и с выключенными фарами тронулась с места. Только отблески панели работающего радио выдавали наличие какой-то жизни в едущем автомобиле. «Уж подсветку-то мог тоже выключить», – подумал Вадим. Фары машины зажглись уже на самом выезде, буквально у угла дома, за которым автомобиль-призрак и исчез через несколько секунд.

– Вы знаете, что параллельные прямые пересекаются? – спросил Лобачевский, откусывая кончик гондурасской сигары Camacho золотой карманной гильотинкой.

Они сидели на открытой веранде кафе «Библиотека». По навесу шумно и настойчиво барабанил летний дождь, по улице изредка пробегали или слишком смелые, или слиш-

ком нетерпеливые прохожие. Здесь на веранде было как-то странно тепло и сухо для такой погоды.

– Конечно, знаю, – ответил ему Вадим. – Только не совсем представляю, как это может происходить. Я, Николай Иванович, знаете ли, не математик.

Он обратил внимание, что Лобачевский похлопывает по карманам пиджака, и догадался, что тот ищет зажигалку – раскурить сигару. Или спички? Спички, спички.… Ну, конечно, спички.

– Вот, возьмите, – сказал Вадим, протягивая коробок.

– Спасибо, – ответил Лобачевский, достал из коробка спичку, зажёг, поднёс к сигаре. Покрутил её, раскуривая, и удовлетворённо сделал первую затяжку. – Люблю я, Вадим Юрьевич, кубинские сигары, люблю. Больше всего почему-то 8—9—8, но этот Camacho тоже неплох. Неплох.

Он покрутил в руке коробок и наконец-то обратил внимание на надпись.

– Ну, конечно же, Тегусигальпа, – произнёс то ли задумчиво, то ли удовлетворённо. – Как же я тогда сразу не догадался. Майя, Тегусигальпа, Копан. Вы знаете, что в древности книги иногда писали на металле, чтобы дольше сохранялись? Иногда на свинце, иногда на серебре. Они неподвластны времени, их нельзя сжечь. Их можно только переплавить. С некоторыми так и произошло. Но не со всеми. Интересно, что платина очень похожа на серебро. Её потому так и назвали.

– Так что же с параллельными прямыми, Николай Иванович? – всё-таки решил поинтересоваться Вадим.

– Да там всё просто, – ответил тот, выдыхая тяжёлый сигарный дым. – Понимаете, пространство искривляется, параллельные пересекаются. Чего уж проще. Нужны только определённые условия. Да Вы у Арнольда спросите! – вдруг воскликнул он. – Арнольд многое знает. Но не всё, не всё.

Лобачевский взял со стола спичечный коробок, достал из кармана пиджака перьевую ручку, судя по всему жутко дорогую, и что-то написал. Посмотрел, удовлетворённо хмыкнул и небрежно бросил коробок на стол.

– Ну, что же. Мне, к сожалению, пора.

Вадим даже не успел никак отреагировать. Лобачевский, словно каскадёр, перемахнул через перила веранды, прыгнул вниз на брусчатую мостовую с высоты четвёртого этажа и пошёл по улице вниз в сторону кремля. Удивительно, но капли дождя на него не попадали, словно над ним кто-то держал невидимый прозрачный купол, который не только задерживал водяные брызги, но и каким-то непостижимым образом проводил сквозь грозовые тучи солнечный свет.

– Николай Иванович! – крикнул Вадим, бросившись к перилам. – Куда же Вы? Мы ведь не договорили!

– Главное, Вадим Юрьевич, – крикнул Лобачевский, обернувшись, – Вы коробок не потеряйте. Там маленькая подсказочка есть.

После этих слов он затянулся сигарой ещё раз и выбро-

сил её в ближайшую урну. «Всё-таки 8—9—8 мне нравится больше», – Вадиму показалось, что он услышал именно эти слова. Удалялся Николай Иванович от Вадима как-то странно. Каждый его шаг уменьшал Лобачевского в несколько раз. Создавалось такое ощущение, что при монтаже вырезали несколько кадров и миксовали. Так показалось Вадиму. Затем он вспомнил про спички и обернулся к столу. Коробок лежал на месте. Вадим потянулся было к нему, чтобы взять в руки и прочитать, что же там написал Лобачевский. Что за подсказочку…

– По-моему тебе звонят Алла с Арнольдом, – услышал он, и весь эпизод вместе со спичечным коробком куда-то пропал. Возле дивана стояла Галя в его футболке, непривычно смотрела сверху вниз и держала в руках телефон, жалобно певший голосом Градского: «Зной, дождь, гром. (Мокрые бульвары…)».

– Не успел, – пробормотал полушёпотом Вадим и взял трубку, на дисплее красовалась надпись «Алла Арнольд». – Алло, – сказал он.

– Доброе утро, Вадим, – услышал он. – Звоню, как договаривались.

– Да-да, – Галя сидела в кресле напротив, подперев подборок руками, – я всё помню, конечно. Мы можем встретиться часа через полтора? Только давайте без Константина и индейского вождя.

Арнольд на какое-то время задержал ответ. Видимо упоминание о Пабло было для него не совсем ожидаемым. «Ну, давай соображай быстрее, горячий эстонский парень», – совсем неполиткорректно подумал Вадим, хотя ведь знал, что и сам в такой ситуации не сразу бы решил, что ответить.

– Хорошо, – как-то неуверенно ответил Алла с внезапно чётко проявившимся эстонским акцентом. – Девушка будет с вами?

– Какая девушка? – Вадим посмотрел в сторону Гали, которая всё также сидела в кресле напротив.

– Ладно. Оставим пока. Где вы хотите встретиться?

– Давайте у кремля. Где-нибудь ближе к памятнику Чкалову.

– Что делаем дальше? – спросила его Галя. В глазах её уже виден был не вчерашний испуг, а даже какой-то неподдельный азарт. Правильно свою сестру Сергей юной авантюристкой назвал. Вадим бы совершенно не удивился, если бы выяснилось, что юная Галина Валентиновна увлекается прыжками с парашютом, автогонками и настоящим сёрфингом, а также сидит по ночам за компьютером, рискуя деньгами на рынке forex. Непонятно было пока, как поступить при встрече с Арнольдом. Над всей этой историей витала какая-то непонятная опасность. Поэтому Вадим не хотел оставлять Галину одну – в каждую минуту могло произойти что угодно, всё ещё сидел в памяти вчерашний сеанс показа несуществующей реальности в арке напротив кафе. Если

учитывать, кто в этом сеансе играл главную роль, то опасения были абсолютно оправданы.

Вариантов, конечно, было три. Оставить девушку в квартире – но могли появиться неизвестные гости. Попросить подождать в машине, что было ещё опаснее. Третий вариант напрашивался сам собой – взять её на встречу с Арнольдом. Тем более что тот про неё и так уже каким-то образом знает. Хотя почему каким-то? Она ведь сама сказала, что засветилась вчера на гребном канале. Вот и хорошо. Так и поступим.

– Умываемся, завтракаем и отправляемся к памятнику Чкалову встречаться с эстонским другом. Нам есть, о чём поговорить.

– Я уже позавтракала. Как будешь готов, сделаешь нам кофе. А что ты не успел? – вдруг спросила она.

– Да ерунда. Сон. Мне приснился Лобачевский, который написал какую-то подсказку на коробке спичек «Тегусигальпы». Я попытался прочесть, но был безжалостно разбужен.

Взгляд Гали подтвердил Вадиму его подозрения, что всё это совсем не ерунда. Она укоризненно покачала головой и сказала:

– Ты прекрасно понимаешь, что во всём этом есть смысл. И на этом коробке наверняка написана какая-нибудь подсказка. Где, ты говоришь, вы с ним встречались?

– Я не говорил. Кафе «Библиотека».

– Странно, что не «Тегусигальпа».

– Почему же странно? Зато оттуда были спички в моём

кармане.

– Ты помнишь, что на тебе было надето? Из какого кармана ты достал спички?

– Вот из этого, – Вадим потянулся к пиджаку и в последний момент нерешительно остановился, как будто испугался, а вдруг там и вправду окажется тот самый спичечный коробок. Его там не было.

Нашёл коробок Вадим спустя всего сорок минут в кармане другого пиджака. На нём незнакомым почерком чернилами было выведено: *«Перпендикуляр. Митрополит поднимается. В подполе»*. Когда он показал коробок Гале, та удовлетворённо кивнула головой. Всем своим видом она показывала, мол, как ты ещё мог в этом сомневаться. Вадим теперь и сам уже не понимал, как он мог сомневаться в существовании этого коробка со спичками.

– Знаешь, – сказал он Гале в машине, когда они уже отправились на встречу с Арнольдом. – В коробке не хватает только одной спички.

– Ты их что, посчитал? – улыбнулась она.

– Ну, да. И сбоку на ребре есть след от зажигавшейся спички.

– А что означают слова, написанные в твоём сне и попавшие к нам, ты, конечно, не догадываешься?

– Конечно, нет. Может мне опять лечь спать, Галчонок?

На это имя Галя отреагировала как-то странно и решила возмутиться.

– Никогда не называй меня так.

– Но ведь…

– Никаких «но ведь». Я так разрешаю называть меня только брату.… Который непонятно куда пропал…

XV

И перед тем как выйти из дома, и по пути к Арнольду они пытались понять странную надпись. Вадима поначалу ещё очень интересовало, каким образом попал к нему этот коробок, но оказалось, что Галю это заботило меньше всего. «Как откуда? Из сна, конечно», – сказала она, как будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся. Сначала Вадим хотел её спросить, часто ли в её жизни происходила подобная материализация снов, но сразу передумал. Наверняка она вспомнит несколько аналогичных случаев, да и у него нечто похожее пару раз встречалось. С существенной оговоркой – именно похожее. Всё же выяснение того, каким путём спички из сна попали в карман, сейчас не являлось первостепенной задачей. В машине он ещё неоднократно повторял эту фразу, записанную перьевой ручкой на глянцевой поверхности спичечного коробка: *«Перпендикуляр. Митрополит поднимается. В подполе»*.

– У тебя так и не появилось никаких версий? – спросил он у Гали. Та только печально вздохнула и отрицательно помотала головой. – А я только что вспомнил ещё один интересный момент из сна. Лобачевский предложил спросить у Арнольда. Тот, мол, многое знает. Ну, вот сейчас и спросим, что же он знает.

Арнольд сидел на второй от памятника скамейке у крем-

лёвской стены. Казалось, что до последнего момента он их не видел, погрузившись в какие-то свои мысли. Однако, это только казалось.

– Вы правильно сделали, Вадим, что взяли Галю с собой, – сказал Арнольд, когда они присели рядом с ним на скамейку. – Здесь она находится в безопасности.

– Мы разве знакомы? – спросила Галя, старательно изобразив удивление.

– Девушка! – несколько наигранно с нарочито преувеличенным прибалтийским акцентом воскликнул Арнольд. – А не вы ли вчера шпионили за моей скромной персоной на этом, как он у вас называется.… На гребном канале. Сидела верхом на мотоцикле, разглядывала нас в бинокль и думала, что мы её не видим. Ну-ну…

– Послушайте, видеть вы меня, конечно, видели. Это я скрывать не собираюсь, да это и не имеет смысла. Но имя, Арнольд, имя. Откуда оно Вам известно?

То есть? – уже совершенно ненаигранно удивился Арнольд. – Со мной ведь был этот парень из Панамы. Пабло. Он мне и сказал. Вы разве не знакомы? Он ещё сказал, что вы хорошая знакомая Вадима. Ничего, что мы о Вас в третьем лице говорим? – извинительным тоном обратился он к Вадиму. – Нет, если вы его не знаете, то это не значит, что он не знает вас. Он вообще знает много. Даже слишком много. Я даже не могу понять, как он узнал о моём существовании. Хотя… Мне ведь позвонила Карина, которая уж вам, Вадим,

точно знакома. Она так сказала. Да что вообще происходит? Что-то я уже совсем ничего не понимаю, – почти обречённо сказал Арнольд.

– Давайте разберёмся вместе, – предложил Вадим. – Лучше это делать здесь и сейчас. Мне кажется, что большое скопление людей помогает нам сохранить нашу безопасность, а то мне совершенно не нравятся те два типа возле памятника.

На парапете возле памятника сидели те самые двое, которых вчера благополучно доставили из «Капучино» в одну из городских больниц. То ли состояние их здоровья неожиданно улучшилось, то ли они попросту сбежали под влиянием внешних обстоятельств. Они старательно демонстрировали своё полное безразличие ко всему происходящему вокруг них, не обращали внимания на послушных туристов и чересчур шумную молодёжь. Тем удивительнее была реакция одного из них на брошенную кем-то из молодых людей гопнического вида пустую жестяную банку из-под какого-то алкогольного коктейля. Он вздохнул, подошёл к дебиловато выглядевшему юноше, подвёл его за руку к этой банке. Тот даже и не сопротивлялся. Покорно пошёл за ним, наклонился, поднял банку и дошёл до ближайшей урны. Положив в неё банку, он что-то испуганно пробормотал. Вадиму показалось то ли «Спасибо», то ли «Извините». После чего внезапно присмиревшая компания тихо и незаметно куда-то испарилась.

– Ну да, – сказал Арнольд, – странные ребята. Хотя их последние действия мне понравились. Давайте разбираться.

– Скажу сразу. Письмо Ломоносова к Бартельсу у Вас?

Арнольд кивнул.

– Как вы нашли меня? И зачем? – продолжил Вадим. – Только не надо мне рассказывать про кино.

Молча Арнольд протянул ему коробок спичек из кафе «Тегусигальпа». Вадим покрутил его в руках, надеясь найти какую-то пометку. Но никаких надписей на коробке не было и он удивлённо посмотрел на эстонца. Арнольд вздохнул, забрал коробок назад, открыл его и высыпал спички на ладонь. На внутренней поверхности коробка красовалась надпись, сделанная чернилами и теперь уже знакомым почерком: *«Найти Вадима. Он знает»*. И номер телефона Константина Леонардовича.

– Да-а, мальчики, – тихо протянула Галя, – о-фи-геть. Он Вам тоже приснился?

– Нет, – ответил Арнольд, – коробок был в одном пакете с документами.

– С какими документами?

– С письмом Лобачевского Бартельсу, конечно. Но это ещё не всё. В том пакете, было ещё одно письмо, в котором Лобачевский рассказывал о своих поисках библиотеки. И о том, что он нашёл.

– Что он нашёл? – в один голос воскликнули Галя и Вадим. Видимо сделали они это слишком громко и экспрес-

сивно. Им даже показалось, что вся шумная толпа внезапно замолчала и обернулась к ним, прекратив созерцание волжских просторов.

– Что-то, – прошептал Арнольд. – Он не пишет. В письме говорится, что это что-то необычное. Да можете сами посмотреть. – И он открыл портфель, в котором Вадим заметил планшетник. Также он заметил, что двое у парапета несколько напряглись. Поэтому быстро сказал:

– Не сейчас и не здесь.

– Да. Я, кажется, с вами соглашусь, – отреагировал Вадим.

– А я тем более, – сказала Галя.

Они пошли к машине, ещё не предполагая, что будут делать дальше.

– И знаете, Вадим, – сказал по дороге Арнольд, – есть ещё одна любопытная деталь. Надпись на коробке – вернее внутри коробка – сделана, примерно, сто пятьдесят лет назад. И не нужно меня спрашивать каким образом. Я этого не знаю.

– А я уже ничему не удивляюсь. Но я думаю, что кое-что вы, Арнольд, знаете. Должны знать. Он сказал мне, что вы многое знаете. По крайней мере о том, что параллельные пересекаются.

– Знаю. Я ведь всё-таки математик. Подождите-подождите, – Арнольд внезапно остановился. – А кто – он?

– Кто-кто, – насмешливо произнесла Галя. – Лобачевский, кто же ещё? Он ему этой ночью приснился и сказал,

что Арнольд многое знает.

– Вот оно что, – разочарованно сказал Арнольд. Казалось, что он ожидал чего-либо большего, а не банального рассказа о сновидениях. – Ну, присниться может всякое, хотя совпадение интересное. Мы далеко идём?

– Уже пришли. Садитесь в машину. Сейчас будем играть в шпионов. Могу добавить, что только сном дело не ограничилось. Некоторые объекты материализовались. – Вадим достал спички. – Вот. Это он написал во сне. Почерк тот же, что и на вашем коробке. Откуда он появился в моём кармане, я не знаю. И никто не знает.

Вадим плавно тронул машину с места. Казалось даже, что он давал возможность следящим сориентироваться и сесть в свой автомобиль. Но это только казалось. Выехав на площадь, он сделал резкий поворот направо, так, что даже оставил на сером асфальте чёрно-дымящийся след от пробуксовывавших шин, и бросил машину вниз по Георгиевскому съезду в сторону Александровского сада. Главное теперь было как можно быстрее спуститься и не встать на светофоре, чтобы нельзя было догадаться, куда они проследуют дальше. Они благополучно успевали проскочить на мигающий зелёный. Это Вадим понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.